

*Глафире Аблясовой,
г. Белебей, Республика Башкортостан.
19 января*

Здравствуйте, Глафира Георгиевна!

Спасибо за Ваше тёплое пространное письмо, которое в очередной раз укрепило меня в том, что моё творчество по прошествии лет не теряет своего значения. Мне кажется, сейчас такие времена, когда умы людей ориентированы совсем на другие ценности, чем искусство. И когда посреди современных забот и суеты вдруг высвечивается ответная искра чьей-то души, то этому особенно радуешься. Так бывает, что во тьме не видишь тьмы, а на свету не видишь света, а когда среди тьмы вдруг — луч света, вот тогда он особенно ярок, как источник надежды.

Буду рада, если ещё в одном уголке нашей земли люди познакомятся с моими картинами на выставке, и если в их душах найдётся отклик, то луч надежды на то, что человеческие сердца ещё не совсем ожесточились, станет чуть ярче.

А пока посылаю Вам материал в дополнение к предыдущему.

Газета «Благовест» (приложение к областной газете «Весть») — публикация А. Тагиевой о реставрации храма Крестовоздвижения «Святыни земли Боровской».

Газета «Боровские известия» — моя статья «Будем милосердны к беззащитным людям» о рождественских праздниках в организации, которую я возглавляю.

Ещё статья в местной газете Т. Дрожжиной «Пусть светит» о том, что в Санкт-Петербурге открыт Музей воды, в котором установлена бронзовая статуя по моему рисунку «Пусть светит».

Надеюсь, кому-нибудь это будет интересно.

Желаю Вам на Вашем благородном пути сеятеля всего доброго, красивого, созидательного, духовного пожать достойные плоды.

Доброго Вам здоровья и веры в полезность своего труда во все времена.

Людмила Георгиевна.

Первая любовь

*Людмиле Матвеевой,
Московская обл., г Павлино.
25 января*

Здравствуйте Людмила Николаевна!

Получила Ваше письмо, в котором Вы изъявляете желание помочь детям-сиротам и инвалидам. Спасибо за отклик Вашего сердца на детскую беду, пусть Ваше сострадание отзовется Вам добром Небесным и людским.

Обычно деньги присылают (если доверяют) на мой личный адрес или на официальный счёт, который находится в Москве, и бухгалтерия пересылает эти деньги на нужды детей. На домашний адрес ко мне часто обращаются люди, у которых больные дети, и я выдаю им деньги на лекарства. Вы можете послать по тому адресу, по какому захотите.

Хотелось бы узнать, в каком журнале Вы читали о наших детях? В свою очередь шлю Вам вырезки из газет о последних мероприятиях, проведённых нашей организацией в связи с праздниками Рождества и Нового года, а также информацию о нашей деятельности по восстановлению храма.

Доброго Вам здоровья и душевного утешения.

Людмила Георгиевна.

*Тамаре Горобченко,
г. Минск, Беларусь
26 января*

Дорогая Тamarочка!

Вот и пришёл очередной твой подарок с бельем и конфетками — спасибо тебе огромное. Мне всё меньше чего-либо надо, но вот без белишка пока не обойтись. А ношу я теперь вместо платьев и всяких других одежд простыню (внизу), да платочек (наверху) — вот и весь мой наряд.

Рада за тебя, что глазки твои видят, ножки ходят, ручки делают, головка соображает и т.д. А у меня уже ни ножки, ни ручки, ни глазки, вот только ещё мозги в порядке, да и то временами имена и фамилии стала забывать: как ни крути — 69.

Пытаюсь собрать кого-нибудь на свой день рождения. Но раньше были силы у меня и у Коли, кроме стола, придумывать всякие увеселения в виде конкурсов, шуток и т.п. А у гостей были силы веселить-

ся, участвуя во всяких играх. Теперь этих сил нету, а лично мне даже говорить трудно. По этой причине занялась поиском какого-нибудь прибора в виде микрофона и колонок, чтобы меня было слышно присутствующим и не только в дни торжеств, но и в будни. Ближе ничего подходящего не нашла, кроме как по индивидуальному заказу в Швейцарии, за что теперь надо платить 1000 долларов, так как техника очень тонкая, по моим рукам, с сенсорным управлением. Большую часть мне помогает оплатить известная тебе Елена Камбурова, ну, а остальное найду у кого-нибудь ещё.

Для себя просить всегда очень трудно, а просить приходится всё время, ибо своих денег, кроме пенсии, не имеем. После Колиного инсульта невропатолог направил его на МСЭК (бывшая ВТЭК) в надежде, что дадут какую-нибудь группу инвалидности. Но, как видно, врачам дано указание ликвидировать «групповщину», таким образом экономить государственные деньги, чтобы численность инвалидов была поменьше в стране. Такая вот борьба! Ну, Колю и «заборолли»: нет показаний. Оказывается, чтобы получить группу, надо быть совсем слепым, а не частично, и если его глаза доводят до туалета, то значит, он сам себя обслуживает и нет показателей для инвалидности. Он видит действительно кое-что, но как в бойницу танка (так он сам говорит), у него частичная атрофия зрительного нерва и сетчатки, и это необратимо. Ну ладно, авось не помрём из-за этого, помрём из-за чего-нибудь другого.

Коля занимается плетением корзинок, увлекаясь этим делом так, что иногда ночами не спит. Корзинки маленькие, декоративные, он пытается их продавать, но коммерсант из него никакой, потому что товар надо уметь представить, разрекламировать, а это не всякий умеет. Однако часть изделий удалось реализовать на выставке под Новый год, а часть выкупить для подарков под Рождество. Вообще я заметила, что люди творческие, умеющие что-то создавать, не умеют задать практическое применение своим произведениям, и нужен кто-то, кто умел бы организовать спрос. Мои знакомые художники творят ради самого творчества, им интересен сам процесс, а куда пойдёт или не пойдёт его картинка — менее важно. Вот и Коля из таких.

А мне всегда было важно, чтобы меня понимали на другом конце провода, когда я что-то рисовала, сам процесс для меня был мучительным, наощупь, долгим и длинным. Но если потом зритель в книге отзывов или в письме рассказывал, что он чувствовал, глядя на рисунок, то это было дороже всяких денег. Вспоминаешь обо всём этом, как о какой-то другой жизни, не моей и не со мной.

У нас, наконец, начало подвигаться дело с ремонтом помещения для нового склада. Когда оно будет

готово, Бог вещь, но если всё будет, как задумано, то это прекрасный вариант: совсем рядом с прежним местом, с хорошим подъездом, помещением большое. Хоть какая-то радость за прошедший год, не считая, конечно, освящения креста на восстановленной колокольне, фотографии которого ты видела. Можно было бы продолжать работы внутри храма, но деньги почти закончились, и других никто не даёт.

Вот пока и всё. Пусть всё-таки в нашей жизни будет побольше радости. Здоровья тебе и сил для жизни.

Люда.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская область
5 февраля*

Ну, дорогая, здравствуй!

Здравствуйте все люди, птицы, звери, таракашки-букашки! Я едва опомнилась от своего собственного рождения. Обычное дело: с утра начинаются телефонные поздравления, потом заходы и выходы посетителей-поздравителей. Потом подтягиваются приглашённые гости, и тоже не сразу, а сменами, но уже остаются до вечера. Вот вечером я и почувствовала, как я сдала за последний год, как устала, утомилась до обморока. Конечно, никто этого не заметил, но, если доживу до 70-летия (а это будущий год), то не знаю, как я выдержу свой юбилей. Силы остались только на работу, и слава Богу!

У нас всё по-прежнему, и это радует, потому что в последнее время дошла до простейшей премудрости. Вот мы часто плачемся о том, чего у нас нет, и очень редко радуемся тому, что у нас есть, и совсем не пытаемся представить себе такой вариант: исчезает то, что у мы имеем, — какой будет плач. Почти как в притче, как Бог захотел порадовать бедняка: сначала спрятал его осла, а потом помог найти. Наверное, это как раз о том, о чём я рассуждаю. Вот так и я сейчас себя утешаю и других тоже.

Я так рада за тебя, а ещё больше за детей, которые с тобой рядом и все рисуют. Дело не в самих выставках и даже не в рисунках, а в том, что рядом с детьми есть кто-то из взрослого мира, кому они нужны, и это едва ли не самая большая радость для них. Дети сейчас так заброшены, обделены вниманием старших людей, что им и деваться больше некуда, как окунаться в компьютеры, телевизоры и ещё во что-нибудь похуже. У меня нет прямого контакта с детьми, к сожалению, я их кормлю издалека, одеваю, обуваю, они часто и не знают моих забот, и мне всегда интересно, когда что-то рассказывают о них.

Недавно у меня были две девочки из закрытого ныне детского дома «Асеньевский», который я организовывала 13 лет назад, когда этим

девочкам было 2 и 4 года, а сейчас 15 и 17 лет — красивые девушки. Поскольку детский дом наш расформировали, они сейчас живут в опекунских семьях. И я радуюсь тому, что хоть они успели вырасти почти до совершеннолетия в этом доме.

Теперь у меня под опекой специализированная школа-интернат VIII вида. Это значит — дети умственно отсталые и учатся по спец-программе. Эти дети интересны не своим интеллектом, а своим состоянием души — они более покладисты, дисциплинированы, послушны, исполнительны, чем дети здоровые. И я призадумалась: ведь от нас Бог тоже хочет послушания, смирения на пути к спасению, а наша вольность увлекает нас во все тяжкие, и выходит, что наша разность — это наша болезнь? Так кто же из нас здоровый?

Дай Бог вам найти работу, деньги, новые виды творчества, интересных людей, курочек побольше (с яйцами), телят многосерийных (недавно видела сюжет: у коровы родилось 4 теленка!!), ну, и всего, что так радует.

Псылаю тебе вырезки из газет — сама прочитаешь, о чём и о ком. Обнимаю.

Людмила.

*Ольге Самолевской,
г. Киев
11 февраля*

Дорогая моя Оля!

Спасибо тебе за попытки как-то меня развлекать, информировать, веселить, в общем, привлекать к жизни с помощью Интернета. А я всё больше познаю жизнь изнутри: из её проблем, нищеты, обмана, лицемерия и полного отсутствия совести, а совесть есть свидетельство присутствия Бога в человеке и возможности разговаривать с Ним. И не то чтобы я погрузилась в скорбь и печаль и не вижу ничего доброго на земле (слава Богу, я преодолела уныние), а просто моя жизнь тесно связана именно с этими проявлениями. Может, в Новой Зеландии я мыслила бы по-другому.

У меня к тебе предложение. Поскольку я сама не сижу у компьютера и у всех у нас нет времени подолгу находиться в Интернете (в основном — только по делам), то мне хотелось бы с тобой общаться на личные темы. Рассказывай мне о событиях твоей собственной жизни, раздумьях, делах, переживаниях, связанных с близкими людьми, а если о мире, далёком от нас, — то опять же с мыслями о нашем мире. Хотелось бы диалога, интересного нам обоим.

У меня в Киеве живёт одна знакомая, которую зовут Оксана. Удивительный человечек 30 с лишним лет. Она очень любит мои рисун-

ки и часто пишет мне, не дожидаясь ответа. Оксана — искусствовед, преподаёт в Детской академии искусств, очень культурная барышня с потрясающе правильным и грамотным языком. Каждое её письмо — «отчёт» о прочитанном, увиденном, о путешествиях по Киеву, его музеям, по городам и т. д. За всем, о чём она пишет, почти нет эмоций, попыток какой-то образной передачи зримого мира — ни запаха, ни цвета, ни света, ни-че-го. Когда в молодости я читала Бунина, меня потрясло, какое у него всё живое, как всё буйно растёт, цветёт, болит, плачет, ликует, как мокро от его дождя, как пахнут антоновские яблоки. Это никому не в упрёк, но так надо жить, так надо дышать и так желательно писать.

Оксана очень хорошая девочка, я понимаю её стремление рассказать мне, которая лежит на кровати, где и что она видит, слышит, но когда человек не выражает собственной радости, мыслей по поводу жизни, то в его словах жизнь становится картонной, бумажной, потому и цветы не пахнут. Всю красоту жизни, искусства, природы оживает только душа человеческая, которая всё это воспринимает, пропускает через себя и выплёскивает другому, обогащённое своим чувством.

Я хотела предложить Оксане написать для детей книгу о картинах разных художников, но не как искусствовед, а просто как восторженный зритель, который любит очень, например, Борисова-Мусатова (я тоже очень его люблю), но Оксана мне ответила, что моё предложение ей не подходит, так как она и так много пишет разных статей. А я думала, что когда пишешь для детей, то ориентируешься на детское восприятие и сам как-то по-другому смотришь на произведение. И возможно, этот взгляд оживил бы её язык, сухой и бесстрастный. Но она на мой «крючок» не клюнула.

А между тем она пишет, на мой взгляд, хорошие, тонкие, изысканные стихи, находя такие словесные сочетания, которые графоманством не назовёшь, которые полны настроения природы и какого-то скрытого воздуха, как в картинах импрессионистов.

Удивительно, что наши письма не являются диалогом, а монолог каждого из нас. Какие бы вопросы я ни задавала, ни на один из них Оксана не отвечает, словно и писем моих не читает, и моя попытка превратить нашу переписку в разговор, так и не получился.

Вот такая живёт рядом с тобой интересная девушка. Я подумала, не будет ли тебе интересно снять о ней фильм — об искусстве, о её восприятии, ведь она очень эрудированный человек и, может быть, через фильм открылась бы эмоционально. Она не замужем, у неё большое сердце. Есть хорошая семья — папа-мама, сестра и её дети, есть коты, которых она любит так же, как я своих Мики, Макса и Масю (МММ).

Ну вот, Олечка, такая я противная, придираюсь к хорошим людям, пытающимся меня обогатить своими впечатлениями. А я очень

даже часто впечатляюсь. Например, ещё одна моя знакомая из Сибири пишет потрясающие письма просто о своём быте, о том, как она по ледяной дорожке ходит за водой к колодцу, как они с мужем делали ремонт в основной избе, а спали во флигеле глубокой осенью. Посреди ночи она, замерзнув, подумала, что это муж стащил с неё одеяло, а когда потянула одеяло на себя, то увидела, что оно примёрзло к стеклу... И обо всём этом — с таким юмором жизнерадостного человека, что невольно передаётся её ощущение жизни, её оптимизма.

Вот я, например, с юмором воспринимаю, как поворачивается судьба моего Коли на старые стези. Но об этом я сейчас писать не буду, посмотрю, как дальше будут развиваться события.

31 января к вечеру чуть не померла — так устала от телефонных звонков, приходящих поздравляющих, от организации веселья, и развлечений, и обеденного стола для всех, кто ко мне приехал и пришёл. Это, конечно, радостно — знать, что о твоём дне рождения помнят, как о большом государственном празднике, только у именинника праздник в работу превращается, даже поесть некогда — один пирожок за весь день и съела.

Ну вот, пока и всё.

Твоя Люсенька.

*Музе Воскресенской,
Санкт-Петербург
13 февраля*

Дорогая моя долговечная подружка!

Когда-то Андрей Вознесенский написал стихотворение, которое начиналось строкой: «Нас мало, нас, может быть, четверо...», а закончил его так: «Нас много, нас, может быть, четверо...» Наверное, ты знаешь, кого он имел в виду. Но я о другом: это как посмотреть на нас, мягко говоря, пожилых людей, долговечных друзей — нас ещё не так мало, как мне казалось совсем недавно. Мой день рождения подтвердил это и утешил меня присутствием друзей, ещё оставшихся.

17 февраля исполнится два года, как ушёл Валера Прокошин. Недавно снился он мне как-то странно, но очень чётко и зримо — будто бы он вернулся откуда-то, куда ушёл от меня, словно мы договорились с ним расстаться. А я лежу в постели и со мной рядом какая-то девушка, которая, видимо, ухаживает за мной, но незнакомая мне. Валера почему-то собирается прилечь со мной и раздевается, и я внутри себя согласна с этим и говорю девушке, чтобы она перешла в другую комнату, но она делает недовольное лицо. А я рада тому, что Валерка вернулся, что мы вместе и любим друг друга...

На этом месте меня словно вырвало из сна какой-то силой (а то, глядишь, и легла бы!).

В последнее время Прокошин сильно погрузился в темы, которые я не принимаю и которые всегда осуждала у него, — темы эротики и всякой такой сексуальной тайны, которую многие люди не понимают иначе, как средство удовольствия и деторождения. Наверное, есть какие-то труды в этой области — разные, в том числе и мистические. Лично я всегда думала, что миг соединения мужчины и женщины в экстазе, доходящем почти до обморока, — это миг соединения с какими-то высшими сферами, может быть, с Богом, который в этот миг и соединяет мужскую и женскую клетку, поселяя в неё душу. Но как всё извращённое на этой земле другим духом, святое дело искалечено, выворочено, изуродовано и превращено в дело страстное, из-за которого убивают, насилуют, развращают, погубляя всё лучшее в человеке, связанное с жизнью полов.

И всё это перешло в поэзию, в том числе и Прокошина. В последнее время он сильно подружился с ребятами, которые работают в доме Булгакова, в его музее в Москве, на той улице и в той квартире, где развивались события, описанные в книге «Мастер и Маргарита». Эти ребята даже имена носят той бесовской компании, которая действовала в Москве по роману — Коровин, Фагот. Сейчас эта компания издаёт Валеркину книжку из последних его стихов: «Ворованный воздух». В общем, когда ты получишь это письмо, как раз будет день памяти нашего гениального поэта.

Я рада, что, наконец, как-то наладилась жизнь Игоря и что Надя здорова, и все чем-то заняты. Особенно радуюсь за тебя, которая может себе позволить такое дело, как чтение книг. Я уже этого не могу, но кто знает, какая жизнь ещё впереди — может, я не читать, а писать буду. Как только Рита научится «строчить», как из пулемёта, на компьютере, так я буду готова делать книгу. А пока раздариваю твою. Покупателей теперь нет — кому нужны книги!

Ну ладно, будь здоровенька, как коровенька, и да будет тебе светло, тепло и радостно. Пока-пока.

Люся.

*Валентине и Светлане Юдиным,
г. Киров, Калужская область,
13 февраля*

Дорогие Валя и Светлана!

Почти каждое моё письмо начинается с фразы: «Простите, что так редко пишу...» Ну, а дальше идёт объяснение, почему так редко пишу. И чаще всего причина одна: отсутствие времени. И не потому, что я постоянно в работе, а просто после работы часто нет сил ни на что другое, кроме как тупо посмотреть по ТВ какую-нибудь передачу, заранее зная всё, о чём в ней скажут.

К сожалению, теперь нет возможности читать книги, которые я всегда так любила. Катастрофически теряю зрение, и очки при этом не помогают.

Вот так обстоят дела и с вашей книжкой, которую я получила. Её сразу убрали с моих глаз долой, а всё, что исчезает из поля зрения, я теперь часто забываю — то ли склероз, то ли обилие информации и множество дел, которые висят на мне и которые приходится теперь записывать на бумажки и наклеивать на стенку шкафа, который напротив меня.

Но в книжку вашу я всё-таки заглянула, чтобы почувствовать ваше дыхание, ваши раздумья, ваше настроение, биение сердца. Вы, девочки, такие молодцы! Я всегда с уважением отношусь к людям, которые ищут себя независимо от того, в каком состоянии они находятся, в каких условиях живут, здоровые или больные, богатые или бедные. И преклоняюсь перед теми, кто живёт трудно, кому требуется особое усилие постигать мир, пропуская его через себя, осмысливая его в замкнутом пространстве своего пленённого болезнью тела. И если душа человека выдаёт свет, надежду, любовь, веру в ответ на все тяготы жизни, заряжая других людей энергией добра, сострадания, то жизнь его оправдана.

В общем, я поздравляю вас с вашей книгой и желаю ещё много всяких разных.

Чтобы не повторяться, посылаю вырезки из газет этого года с информацией о моей работе и событиях около меня. В следующий раз буду писать вам электронной почтой. А пока — пока.

Помощи вам Божией в вашей жизни, в делах, финансах, и чтоб вам всегда было тепло этой холодной, ледяной зимой, и пусть никогда не оставляют вас те добрые люди, которые вам помогают.

Л.Г.

*Елене Кузнецовой,
г. Шахты, Ростовская область
13 февраля*

Здравствуй, Елена-поэтесса!

Твой деньрожденный стишок долетел до меня, сообщив мне, что «всё у нас впереди»: и весна, и капель, и радости, и радуги, и вообще — впереди рай. Дай Бог всем нам там встретиться!

Ну, а реальность пока другая: за окном «и снег, и ветер», с крыш свисают многотонные глыбы сосулек, грозя убийством, снега по колена, птички на голых ветках, ибо всю рябину склевали ещё осенью. Но всё-таки, слава Богу, в доме тепло. Любанька готовит обеды, брат Валера работает по хозяйству — бегает по магазинам и чистит снег у нашего храма, Ритка сдаёт экзамены за 5 курс (!!!) и впереди — дипломная работа. Танюшка сегодня выходная — сидит и красит ногти на руках и ногах. Коты то спят, то жрут, то орут — в общем, живут. Коля плетёт корзинки, поскольку теперь с его зрением больше нечего делать.

Ну, а я расставляю всех по местам. Знаешь сказку «Городок в табакерке», где главной была пружинка, которая крутила валик, валик задевал молоточки, молоточки стучали по колокольчикам, и так из табакерки раздавалась музыка. Вот и у нас с утра — «музыка».

Мы тоже живём надеждой встретиться с тобой в скором времени, чтобы уже устно рассказывать о нашей жизни во всех подробностях.

А пока заканчиваю своё письмишко с пожеланием от всех нас тебе здоровья телу и душе, бодрости духа и радости в сердце.

Твои боровчане.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина,
21 февраля*

Здравствуй, Таня!

Очень грустные стали у тебя письма, как и сама жизнь. Сочувствую всем твоим бедам и проблемам, да так уж устроена жизнь, что каждый проживает её только сам и никто — за него. Можем только помогать друг другу переживать эти трудности, а радости уже и не умеем разделять: всё некогда. Некогда друзьям собраться вместе, некогда выслушать друг друга, а если встречаемся, то каждый слушает не другого, а самого себя, рассказывая о себе любимом. На фоне людей часто наиболее преданными друзьями кажутся животные, кото-

рых и любишь сильнее за их преданность и верность и любовь нелицемерную. И я всегда с болью расставалась со своими четвероногими дружками. Твой котик, наверное, ушёл умирать — они дома не хотят.

Когда у нас болел кот и был на грани, он рвался в дверь, чтобы уйти. Мы его не пустили, потому что всячески лечили. И вылечили на какое-то время. Так что заведи себе нового котёночка, тем более, что этих друзей много в природе, и они только счастливы будут иметь хозяйку, как детдомовцы маму. У меня есть знакомая, у которой 28 кошек — факт, который она скрывает. Сама живёт в монастыре, точнее — трудится, а домой приезжает их кормить, дивясь своему «безумию», ведь содержать животных совсем не просто, и она тратит всю свою зарплату на них, благо самой ей мало что надо: питается в монастыре, одевается сверхскромно. Я, конечно, не могла бы настолько сойти с ума, но уж если в доме появилось животное, то считаю невозможным изгнать его или кому-то передать.

А для этого у нас серьёзные обстоятельства. У Риты аллергия на кошачью шерсть, и она всё время чихает, но очень любит наших четвероногих, обихаживает их, чешет, лечит, кормит, гладит, выгуливает на балконе, и целуется, и милуется. Меня тоже упрекают некоторые, что я животных люблю больше, чем людей, а это грех. А как же их не любить, ведь они, как дети.

Что касается соседей, то один человек пошутил: «Соседи — это хорошие люди, которым мешают жить соседи». Вот мы те самые соседи, которые мешают жить хорошим людям. Мешаем тем, что ни с кем не сидим на лавочке и не сплетничаем, тем, что они ничего про нас не знают и всё время вынуждены что-то выдумывать, домысливать, а то и придумывать то, чего нет, мешаем тем, что уважаемы, что ни о чём их не просим и т.д. В общем, мы большой предмет для соседских фантазий и разговоров. Но тем не менее, мы ни с кем не ругаемся и общаемся с ними в вежливой форме. Однако, когда нам нужно было место для пристройки во дворе к собственному гаражу и все соседи должны были подписаться о согласии с нашим намерением, все дружно сказали «нет».

Я всё думаю: а если завтра война? Как мы выживем при таком отношении друг к другу? Неужели только какая-то катастрофа объединяет людей и все жалеют друг друга, лишь когда плохо?!

Я всегда сожалею, что все те люди, с которыми мы искренне дружим, помогаем друг другу, сочувствуем, живут так далеко, и если бы мы жили рядом, уж так было бы хорошо, настолько радостней была бы наша жизнь, полноценнее общение. С другой стороны, может быть, более тесное общение, ежедневные

встречи, нагрузка проблемами друг друга стали бы нам совсем не в радость, мы гораздо менее любили бы друг друга. Так что, может быть, хорошо, что мы живём совсем не рядом.

Николай Сергеевич адаптировался к своему новому состоянию. Я рада, что он не унывает, а ищет какие-то возможности занять себя. Начал опять плести корзинки, правда, не такие сложные, как прежде, чуть попроще. Надеется, что ими что-то заработает, но в наше время людей куда более интересуют тряпки, если они имеют деньги, чем какие-то корзинки. Так что продажа идёт очень туго, да и то если я найду такую возможность (сам он — не бизнесмен).

В Киеве живёт девушка искусствовед, которую зовут Оксана Ламонова. Мне кажется, я уже писала тебе о ней. Она преподаёт в Детской академии искусств.

Переписываемся с нею уже несколько лет, точнее, она со мной. Как ты когда-то, пишет и пишет, несмотря на мои очень редкие ответы, и так длится уже продолжительное время. У неё больное сердце, но блестящий ум, она пишет тонкие изысканные стихи, обожает природу и путешествия. Познакомились мы с нею при странных обстоятельствах, о которых она сама рассказала в своей статье, опубликованной в книге, которую я тебе посылаю. Я ничего не могла в ней прочитать, так как она на украинском языке, который для тебя родной и понятный.

Не хочешь ли ты послать ей свои рисунки для комментария и просто для себя услышать оценку со стороны профессионала? Если захочешь, то я пришлю её адрес.

А пока заканчиваю своё послание в надежде, что оно не последнее.

Л.Г.

*Ольге Самолевской,
г. Киев
21 февраля*

Дорогая моя Оля!

Послала тебе письмо электронкой, но ответа нет — получила ли? По электронке тоже не всегда доходят письма, как и почтой, однако, приходится всё же пользоваться и ею. Шлю тебе книжечку на украинском языке Оксаны Ламоновой, о которой я тебе рассказывала в предыдущем письме. Среди прочих её работ в этой книге есть немного и обо мне — удивительная история о девочке, увидевшей мои рисунки в детстве в журнале «Юность», полюбившей их и нашедшей меня спустя двадцать лет.

А ещё шлю тебе акафист Николаю Чудотворцу, Святителю, которого русские считают своим, русским, и очень любят его. И ещё

Икона «Всецарица»

акафист Божией Матери перед иконой «Всецарица», который поётся во всяких бедствиях, болезнях и даже для излечения онкологических болезней. Эта икона была написана в 17 веке в Ватопедском монастыре на Афоне. Список с чудотворной афонской иконы «Всецарица» в 1995 году был привезён в Московский детский онкологический центр. А в 2006 году копия этой иконы прибыла со Святой Горы Афон в Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь, который находится неподалёку от Боровска в Малоярославце.

Эту икону ты можешь видеть на обложке акафиста.

Милая моя Оля, всё, чего сейчас жаждет моя душа — это ХОТЕТЬ молиться. К сожалению, жизненная суета настолько глубоко входит в сознание, что тратишь время на что угодно, но только не на молитву. Вот потому и хочу хотеть.

Ну, вот пока и всё. В надежде, что это послание до тебя дойдёт. Обнимаю.

Твоя Люсенька.

*Татьяне Пыжиковой,
г. Калуга
6 марта*

Дорогая моя Танища!

Вот и ещё один год подарен судьбой, да только с возрастом этот факт не очень радует, поскольку жизнь не прибавляется, а утекает с годами, и всё-таки каждый раз думается: ещё рядом родные лица, ещё видим цветы, дышим травами, слышим птиц, вкушаем всякие вкусности, чувствуем прохладу и тепло, а главное — двигаемся, перемещаемся по этой любимой земле, прекрасной и затоптанной, загаженной нами.

Вот так и с нашей душой, как с планетой: родилась она в прекрасном младенце с чистыми глазами, бескорыстными мыслями, с потребностями природы и не более того, а по мере роста тела своего, выросли и потребности, которые, если не удовлетворяются, мучают свою несбыточностью, и тогда плохо живется душе, беспокойно, безрадостно.

А вся эта прелесть к маленькой и давно известной истине: «Так выпьем же за то, чтобы наши потребности совпадали с нашими возможностями».

Целую тебя, обнимаю и желаю, несмотря ни на что, мира в душе и хорошего настроения. Ну, а уж с телом ничего не поделаешь.

С днём рождения!

Твоя Люсища.

*Елене Кузнецовой,
г. Шахты, Ростовская область
11 марта*

Дорогая наша Лена!

Хоть и редко я тебе пишу, но всё же чаще, чем другим людям: хочется хоть немножко разделить твоё физическое одиночество, прийти в гости, посидеть за чайком, поболтать о том, о сём. Чаще всего мы приходим к тебе с Ритой, которая на компьютере пишет эти письма. У нас сейчас сложные времена: Таня уехала в Молдавию — у неё там дела, Люба подалась на Украину, в отпуск. Как-то это получилось одновременно. И Ритка теперь, как сказал один наш друг, правит в нашем бараке, в котором я, Коля да новенькая работница Лена (временная), которая помогает убираться по дому. А Рита день и ночь со

мной, да ещё диплом пишет — институт ведь заканчивает девка, образованная будет.

Ну, а я, как всегда, в работе, к которой призвана в последние годы: быть просительницей за себя и за всех. За себя — это значит обеспечить свою жизнь помощниками, которые заменяют мне мои руки и ноги, и оплатить их труд чужими деньгами, которые пришлют добровольцы по моему прошению. За других — значит обеспечить других страждущих и обездоленных всем тем, в чём нужда каждого человека, — не для роскоши, каприза, а только для сохранения жизни. Сейчас моя забота — деньги на путёвки детям в санатории. Стало очень трудно из людей, даже тех, кто помогал всегда, выдавливать деньги, как пасту из тюбика: то ли «паста» у людей кончается, то ли жаба их душит. Тем не менее, ещё есть те, кто надежда и опора для меня лично и для всех остальных.

А на храм никто почти не подаёт, несмотря на освещение в средствах массовой информации, и это грустно. Посылаю тебе вырезку из газеты, в которой ты обо всём считаешь. А ещё посылаю вторую вырезку о статуе, сделанной с моего рисунка. Задумана она была, как фонтан, чтоб дождь лился настоящий, но не хватило денег у авторов и сделали то, что сделали. Так что, Леночка, мои лёгкие рисунки бронзовеют в прямом смысле, потому что уже сделаны из бронзы.

Ты там, смотри, не скучай, а продолжай пить чай, несмотря на то, что мы прощаемся. Мы ведь ненадолго уходим, мы ещё придем.

Целуем, обнимаем, надеемся на встречу.

А чтобы тебе не грустилось, посылаю фотографии наших котиков. Пусть поживут у тебя в гостях.

Люсенька и Риточка.

*Музе Воскресенской,
Санкт-Петербург
18 марта*

Дорогая моя подружка!

Получила твоё многострадальное письмо, которое шло две недели, и очень мне захотелось прижать твою головку к своей груди и погладить, как гладит мамка обиженного ребёнка. Наверное, ты себя чувствуешь обделённой судьбой. Она у тебя нелёгкая? А кому легко? Это только кажется, что кому-то лучше, легче, проблемнее. А ведь у всех что-то своё и по-своему болит.

Мне очень жаль, что к старости, к тому времени, когда человек подводит итоги своей деятельности, своей личной жизни, у тебя та-

Рита за компьютером

кое грустное состояние души. Конечно, всё, о чём ты пишешь — испытание: и нехватка денег, и болезни близких, и их неудачи, и своя собственная немощь, когда всё кажется безнадежным — жизнь-то ушла почти. Вот именно в такую пору, когда человек чувствует свою полную немощь, и задумывается он о том, зачем всё это было и есть. И тогда наступает про-

рыв в сознании — все горести жизни к концу её подвигают человека к другому пониманию мира, себя в этом мире и пути своего.

Мне хочется, чтобы душа твоя проснулась от того периода жизни, который ты уже почти прошла, — мира материальных представлений, и перешла, перешагнула в другой, в котором к тебе пришло бы чувство иного мира, пронизанного тем невидимым светом, что всегда присутствует в нашей жизни и взывает к нам, чтобы мы его ощутили и дали ему проникнуть в свою душу, чтобы освятиться его светом. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду Дух Божий, который всем подаётся, как солнечный свет. Только к солнцу мы стремимся, а Духа Божьего не хотим замечать. А душа крещёного человека (и некрещёного тоже) чувствует Бога и тоскует по Нему, и просит осуществления — наполниться Его духом. И печалится она, не понимая о чём, и всякое горе житейское в виде болезней, неудач, физической немощи — всё воспринимается с унынием и в печали.

Вот помолилась бы ты за Надю и, глядишь, не пять операций пришлось бы ей вытерпеть и теперь не гнили бы её кости, а всё прошло бы у неё. А может, и Игорь, глядя на тебя, по-другому увидел бы себя в своей жизни. Этого не хватает всем нам — себя видеть, только тогда и поведение меняется и поступки, когда с отвращением узиришь себя истинного.

Да ты крещёная ли? Если крещёная, какое имя у тебя в крещении? Ведь Муза — это не имя даже, а название греческих богинь.

Теперь о земном. Когда ещё придет Рита в Питер, Бог вещь, а потому посылаю тебе книги сейчас — читай на здоровье, дари, кому хочешь, радуйся и не обижайся на меня, если я что-то не так сказала. Будем надеяться, что Надино здоровье поправится, а в душу твою, несмотря на физическое бессилие, придёт радость, которая даётся свыше.

Твоя Люсьена.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская область
19 марта*

Дорогая Зоя!

Я в такие игры не играю и другим играть не советую. Если ты читала роман Булгакова «Мастер и Маргарита», то помнишь те страницы, где рассказывается о концерте, на котором сыпались сверху деньги, раздавалась всяческая одежда, а люди, обезумевшие от бесплатного, потом голыми выбегали из театра, а деньги с потолка оказывались фантиками. Потому что «подарки» те были бесовскими — иллюзией, обманом. Так вот эти твои игры того же рода и от тех же организаторов. Закрой свой рот и больше не разевай его: бесплатный сыр только в мышеловке. Ещё в Евангелии сказано: «Не участвуйте в делах тьмы». Если у нас денег нет, то и не будет, и пусть, зато у нас есть что-то другое, чего нет у людей с миллиардами. Лучше бы ты написала мне о себе в ответ на моё письмо, которое я тебе давно-давно послала почтой.

У нас всё по-прежнему. Коля достойно несёт все последствия своей болезни и занимается прежним рукоделием — плетёт корзинки, пытаясь делать бизнес на них (ха-ха!). Бизнесмен из него, как из козы артистка, поэтому приходится мне иногда прикладывать усилия к продаже этих корзин, они ведь декоративные, а значит, в хозяйстве не годны. Люди-то теперь практичные и тратятся только на необходимое.

Наша работа по храму затормозилась из-за отсутствия средств. Денег никто не даёт. Даже на путёвки детям собираем по крохам, чего ни в какие годы прежде не было. И вряд ли в этом году удастся полечить большое количество детей.

Слава Богу, хоть как-то продвигается вопрос с помещением для склада, чтобы нам, наконец, выехать из храма и чтобы туда могли прислать батюшку, который и продолжал бы начатую мной работу по восстановлению. Но помещение, вероятно, будет долго ремонтироваться, так как денег в районном бюджете, как всегда, нет. Я уже и не знаю, надо ли затевать дело с ремонтом помещения склада, уж больно мало сил осталось для бурной деятельности, а без меня никто эту работу тащить не будет. Поэтому особенно не расстраиваюсь, что дело затянулось — пусть будет что будет.

Мои знакомые миопатики (то есть с той же болезнью, что у меня) все вымирают в 40-50 лет. Вчера умерла ещё одна девочка в 42 года — отёк головного мозга (последствие миопатии, её завершающий этап). Её сегодня похоронили. Ещё несколько человек лежат в постели и сидят на колясках в очень тяжёлом состоянии. У них уже нет родительской поддержки, всем нужны постоянные сиделки. Так в моей деятельности появилось подразделение «Ситуация SOS», и теперь мне

надо разыскивать деньги не только для своего содержания, но и для ухода за теми, о ком я писала.

Государство наше всё пополняется миллиардерами, которых уже больше, чем в Америке, — это на верхних этажах, а на нижних — инвалидами, которым платят пенсию в четыре-пять тысяч, чтоб сдохли поскорей. Моя попытка договориться с государством о фонде оплаты сиделок на федеральном уровне кончилась ничем. В министерстве здравоохранения даже письма потеряли, с которыми я обращалась к министру, послав этой красавице с локонами все копии ответов за предыдущие годы, в которых её министерство обещало к 2010 году проработать мои предложения по оплате сиделок.

Сегодня я слышу по ТВ, что минздраву выделено 50 миллиардов рублей на пять лет на всякие разные дела, главным образом — на открытие онкологических центров. И уж, наверное, в эти программы не входят иные страждущие и инвалиды. Буду продолжать переписываться, пока сама не кончусь.

Ну, вот пока и всё. Будьте во здравии и радости и не увлекайтесь ложными играми.

Людмила.

*Людмиле Ожигановой,
Приморский край, п. Кавалерово.
19 марта*

Людмилка, привет!

Каждый день с ужасом смотрим, что происходит в Японии, каковы последствия землетрясения на Атомной станции на Фокусиме, и всё думаю позвонить тебе, чтобы приезжали к нам, если вдруг разразится беда в вашем Приморье. Ты знай, что вам всегда есть, куда поехать, чтобы спастись от радиации. Времена такие, что взрываться скоро начнет везде и бежать будет некуда, но пока эти вспышки очагами, ещё есть куда скрыться. Техногенные катастрофы предсказываются давно, плюс природные катаклизмы, может быть, вот оно и началось.

У нас всё по-прежнему. Изредка видимся с Аней — помогает мне в качестве курьера — ездит по нашим спонсорам, собирает с них деньги для наших детей, иногда ей в этом помогает Таня, а когда обстоятельства сложнее, то подключается и Саша. Сашина фирма второй год под Рождество дарит нашим детям всякие компьютерные забавы, за что мы ему очень благодарны и ценим участие.

Мне Саша нравится, но что-то он не торопится узаконить свой брак с Аней. Я поражаюсь, как сильно изменились отношения мужчины и женщины: бабы стали работать круче мужиков, у них появи-

лась экономическая независимость, и от этого возросла гордость. Но при этом женщина осталась в унижительном положении в личных отношениях — в состоянии ожидания: возьмёт или не возьмёт замуж, и вынуждена жить с мужчиной в блудных отношениях, что, конечно, очень плохо для души. Так живут многие, но тем печальнее судьба и мужчины, и женщины, а потом и их детей, если они нарождаются вообще. А если рождаются, то хорошо, если не будут больными. Сейчас огромное количество детей появляются инвалидами по разным причинам, и одна из этих причин — неправильное, точнее, несправедное зачатие.

И я думаю теперь: многие ли современные мужчины, особенно молодые, смогут поддерживать прочные отношения в браке? Теперь небольшой конфликт — и сразу развод. И мальчики, и девочки не воспитываются для брака и совместного терпения друг друга, для решения семейных проблем. И все катастрофы, которые называются техногенными, — следствие катастрофы духовной, развратной, распоясанной жизни.

Хочу тебя спросить: знаешь ли ты такого профессора Духовной Академии Осипова Алексея Ильича? Сейчас в храмах продаются диски с его лекциями на разные темы. Поскольку он преподаёт в основном молодёжи, то и строит лекции с ориентацией на них, молодых. Если у тебя появится интерес к пониманию мира нашей души, то разговор на эту тему мы с тобой можем продолжить.

Так жаль, что вы живёте далеко! Хочется быть «в кучке», особенно, когда времена тяжёлые и тело дряхлеет (вы с Серёжей ещё этого не почувствовали, и вам меня не понять). Живу всё время под угрозой каких-то изменений в жизни моих сиделок и не вижу иного выхода, как оказаться в монастыре, куда меня возьмут, если домашний уход будет невозможен. Мои попытки искать других сиделок в помощь нынешним, когда кто-то из них уезжает в отпуск, безуспешны: никто не соображает, как работать со мной, с моим телом, как правильно взяться, как подложить подушечку и т.п. В общем, это грустная тема.

Если хочешь посмотреть на меня и на наш храм, найди в интернете www.youtube.com, напиши в строке поисковика «Людмила Киселёва» и увидишь ролик небольшой передачи Боровского телевидения.

Привет Серёже. Будьте все здоровеньки и веселы.

Людмила.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
20 марта*

Дорогая Оксана!

Говорят, весна пришла, где-то что-то тает, капает, льётся и иногда падает с крыши большими ледяными глыбами, угрожая прохожим. Но ко мне это не относится, так как надо мной не каплет и подо мной тоже сухо. Иногда в доме появляются цветы, напоминающие, что есть весна, тепло, а там и лето, но теперь всё так смешалось в человеческой жизни, что цветы могут быть и в студёный мороз, а снег теперь называют снежным дождем (впервые увидела такое выражение в Интернете в сообщении о погоде).

Спасибо за поздравление с 8 Марта, но у православных не принято справлять этот праздник даже как женский день, памятуя о его происхождении из глубины души Клары Цеткин, подвижницы женской эмансипации, вдохновительницы женских манифестаций с требованием о равноправии. И всё это — в день праздника гетер Римской империи. Так что мужчины поздравляют своих женщин с днём разврата, сами того не зная. Об этом празднике есть упоминание в статье Валентины Невинной «Между шабашем и молебном», основная тема которой о ещё одном безумии в нашей стране — дне св. Валентина. Найду её в интернете и пришлю тебе.

Надеюсь, ты получила моё предыдущее письмо, которое «развстретилось» с твоим, в нём я просила тебя прислать увиденную тобой поделку из картона и ниток. Мы хотели бы к Пасхе что-нибудь придумать в этом роде.

По-хорошему завидую тебе, что ты имеешь возможность так много видеть, читать, а у меня катастрофически падает зрение и чтение совсем отпало. Пока ещё что-то вижу на экране телевизора, но там смотреть нечего. Что касается «продажных» видеофильмов, то в наших киосках невозможно купить что-то вроде «Ричарда III». И если бы кто-то, кто имеет возможность скачать хороший фильм на диск, прислал его мне, то я была бы очень благодарна (только не на украинском и английском языках).

Не помню, писала ли я тебе, что каждый раз, когда читаю твои стихи, думаю: хорошо бы стихи Оксаны издать отдельной книжкой, не как приложение к какому-либо художнику, а как самостоятельный поэтический сборник. Твои стихи могут быть интересны самому взыскательному любителю поэзии. Возможно ли для тебя найти деньги для издания? И если оформлять книгу рисунками, то так, чтобы рисунки органично совпадали со стихами, а не были самостоятельными, то есть были бы иллюстрацией, хотя они могут быть ассоциативными, как и твои стихи. Я бы радовалась такой книжке и читала бы её с удовольствием, и дарила бы другим, как дарят то, что самому дорого.

Вот такая задачка!

Ну и на этом закругляюсь.

Пока-пока.

Л.Г.

*Ольге Самолевской.
г. Киев, Украина.
22 марта*

Оленька, рыбонька моя!

Куда ты заплыла так далеко, что и не видно? Получила ли от меня бандероль с книгой Оксаны Ламоновой? Не болеешь ли?

У меня слепнут глаза — врач сказал, отслаивается сетчатка. Никакие очки не помогают. Вдаль ещё вижу, а вблизи нет. Перед постом окунулась в свой книжный шкаф с духовной литературой и благоговейно начала перебирать книги и отбирать то, что буду читать постом. Да не тут-то было. Ни руки книжку не держат, ни глазки не видят. И подумала я: вот так и бывает — когда нам даётся возможность, мы ею не пользуемся, а когда пробуждается желание — нет возможности. Когда-то Коля, покупая книги «Жития Святых», с восторгом читал их и всё время подбегал ко мне, чтобы пересказать или прочитать какой-то фрагмент. А я всегда была занята чем-то другим и слушала его, не включаясь в содержание и в его восторг.

И вот теперь словно в наказание — я хотела бы читать эти книги, да не тут-то было. Смотрю и слушаю по видеку лекции А.И.Осипова, профессора Духовной Академии, очень он мне нравится, хотя иногда мне не нравится его манера заигрывать с молодежью, которой он подаёт православные знания. Однако его простота изложения и глубина проникновения в тему мне очень близки. Есть ли у тебя его книга «Путь разума в поисках истины»?

В этом году, в мае, исполняется 25 лет, как мы с Колей вместе — свадьбу справляли 9 мая 1986 года. Тогда было необыкновенно теп-

ло, разогретые вином и весельем гости даже купаться ходили ночью. Было удивительно хорошо, словно уже тогда, когда мы ещё не пребывали в церкви и не венчались, благодать пришла в наш дом. Этот день вспоминают все, кто был на свадьбе, и вспоминают одинаково: хотелось любви, любить и быть любимым.

А через год мы венчались. А потом пошли испытания в виде быта, который Коля нёс один. Иногда приезжала помочь его мама, но это было редко. И чем только он ни занимался в это время: и огородом, и домашними делами, и меня надо погулять, и ночи бессонные вытерпеть и много чего другого. И я думаю теперь: многие ли современные мужчины, особенно молодые, могут тянуть такую жизнь?

Ну, а теперь жизнь Николая сосредоточена на плетении корзин — его любимого прежде занятия. Очень увлечён и радуется, как ребёнок, когда у него хорошо получается. Я думала, он будет унывать после инсульта и полуслепоты, но он достойно держится в своём новом положении.

Вот, пожалуй, и всё на сегодняшний день весеннего равноденствия и праздника Сорока Мучеников, с которым тебя и всех твоих близких поздравляю. Пошли вам Господи Благодати.

Твоя Люсенька.

*Елене Кузнецовой,
г. Шахты.
2 апреля*

Дорогая наша Лена!

На дворе глубокий вечер, но мы опять пришли к тебе на чай — доставай своё варенье. В нашем доме всё по-прежнему, за исключением того факта, что Рита готовится к госэкзаменам и защите диплома, от чего у неё уже начался мандраж на нервной почве. Так что скоро она надует щёки ещё больше и с ещё большей важностью и значительностью будет править нами в нашем бараке. Поэтому мы все мечтаем поскорее выдать её замуж — пусть она свое величие демонстриру-

ет мужу. Вот, Лен, какая к тебе просьба: ищи-ка ты ей шахтёра, муженька хорошего, чтобы подальше от нас. Мы её будем вызывать на работу как подменную, когда Таня будет уезжать домой.

А Ритка печатает это и говорит: «Щаз, размечтались!»

Продолжаю свои мечты. Как там в рассказе Чехова: «А ещё, милый дедушка...» А ещё, милая бабушка, мечтаю я и Таньку выдать замуж, поселить её в какой-нибудь квартире рядом, детей её привезти из Молдавии вместе с бабушкой... Ну ладно, без бабушки.

А более всего мечтаю я, чтоб нашлась, наконец, какая-нибудь Маша, которая стала бы наша третьей сиделкой, незамужняя пока и без детей, и стали бы все вместе жить-поживать, как в сказках, да тебя ожидать. Вот такие у меня мечты. Говорят, если очень хочешь чего-то, то оно материализуется. А ещё хорошо бы женить братца моего Валеру, но вот в это мне верится с трудом — стар стал и не сможет потерпеть другого человека, ведь брак — это прежде всего терпение друг друга, а мы все такие разные, и каждый думает о себе, что он самый правый.

Коля плетёт корзинки, которые у него редко покупают, от чего он расстраивается, так как ничего другого делать не может.

С трудом вытягиваю деньги из наших помощников по детским домам на путёвки в санаторий — в последние два года все сильно пострадали от кризиса, и на нас это тоже сказалось. А на храм и вовсе денег не дают, а на дворе уже весна, и в мае надо начинать, то есть продолжать работы по храму. Так что, помолись, Лена, о нас грешных да попроси Господа послать нам помощь. Хочу тебя спросить: вот ты покупаешь всякие книжки, а не хотела бы ты выписать «Жития святых»? Вот где ты диву давалась бы!

Ждём Пасху, которая наступит 24 апреля. А сейчас строгий пост. Ритка постится в надежде похудеть, но по-прежнему весит... Не хочет оглашать.

Пока прощаемся с тобой. Шлём тебе все свои фотографии, раздавай. И пока-пока.

Люсенка.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
2 апреля*

Юра, привет!

Взрослые не знают, что творится в маленьком сердечке, пока они строят свою жизнь (или ломают). Это ни в коем случае не обвинение в твой адрес, а только предположение. Опять же взрослые так редко разговаривают со своими детьми на равных, как с другом, что у детей нет возможности обсудить с ними свои проблемы. Да дети и не лю-

бят обсуждать их прямо, они обо всем говорят косвенно, как о ком-то другом, — стесняются. И только потом, когда-нибудь, в отчаянии или истерике, проговариваются взрослым о том, что с ними происходит.

Ничего нового не происходит, вот только дурь никуда не деваётся: смолоду одна, к старости — другая... На днях звонит одна сильно православная знакомая, с постом поздравляет, а я и скажи ей: «Да у меня круглый год пост: лежу на спине, никуда не перемещаюсь, удовольствий никаких, питание ограничено диетой, аж чую от одного и того же продукта, а уж что говорить про болезни, которым нет числа, которые по ночам доводят до безумия своей болью. И всё это надо терпеть, не раздражаться, не роптать, не гневаться...» В общем, выступила. Настал пост. Тут всё и началось: компьютер «сожрали» вирусы аж до драйверов, и я осталась без работы; в моей соседней квартире, где живут, отдыхая от меня, мои сиделки, продырявилась колонка, и газовщики сказали, что надо покупать новый радиатор. Вчера на церковь, которую мы восстанавливаем, на колокольню, забрались с десятков парней отроческого возраста, распивали там пиво, разжигали костер, а на входе в трапезную наложили большую кучу. И теперь мне приходится разбираться ещё и с этой «бандой». Вот и искушения пошли постом, а я-то думала, что моё положение — хуже некуда. Так и познаётся наша жизнь и мера нашей беды, которая может стать ещё тягостнее.

Обо всём не расскажешь, какие ещё сложности. Прежде я чувствовала себя организатором всех своих побед и достижений: сама церковь строю, сама сиделок нашла, сама детям колбасу привожу, ну, то есть опять организовываю, конечно. Такая довольная собой.

А сейчас денег почти никто не даёт ни на церковь, ни на путёвки детям в санаторий, и сиделок не могу найти в помощь ныне со мной живущим. И каждый раз одна и та же проблема — на всё нужны деньги. Вот и убеждаюсь я, наконец, в истинности слов: «Без Мене не можете творити ничесоже». По каналу «Союз» читают молитву Вырицкого, как раз про меня: «Разрушились планы твои, поникла ты душою и устала — От Меня это было. Ты создавала себе план, имела свои намерения, ты и принесла их Мне, чтобы Я благословил их. Но Я хочу, чтобы ты предоставила Мне распорядиться и руководить обстоятельствами жизни твоей, так как ты — только орудие, а не действующее лицо. Постигли ли тебя неожиданные неудачи житейские, и уныние охватило сердце твоё, знай — От Меня это было». Вот такой, оказывается, сегодняшний пост. А я артачилась.

Ну вот, пожалуй, и всё. Пиши, приезжай, звони!

Люда.

*Александр Меламуду,
г. Москва.
3 апреля*

Дорогой мой брат во Христе Саша!

Всё, о чём пишет священник Дмитрий Шишкин, принимаю до последнего слова и подписываюсь. Об этом же думаю в последнее время постоянно, но думы мои ещё более тревожны, чем о них пишет автор статьи или проповеди — не знаю, как назвать. Продолжая тему человеческой слепонемоты к духовной жизни, прихожу к выводу, что сказанное Шишкиным, или мною, или ещё кем-то, о чём мы кричим криком, всё это — глас вопиющего в пустыне. Наверное, потому и Апокалипсис неизбежен, что люди потеряли органы чувств, необходимые для того, чтобы слышать, видеть, понимать, чувствовать дальше, больше, выше своего тела, своей плоти. Если бы человек с детства понимал себя космически, как продолжение себя-телесного в бесконечное пространство, и весь окружающий его мир воспринимался бы им, как единство, а он — как клеточка единого мира, не только зримого, но и невидимого вне себя и внутри себя, с таким человеком можно было бы разговаривать на уровне проповедей Шишкина или лекций Осипова и дать ему в руки Евангелие.

Часть человечества, наверняка большая, никогда не будет ни слушать, ни читать, ни внимать никаким проповедям, а те, кто понимает, о чём идёт речь, сокрушаются о расчеловечивании человек, превращающихся совсем в другие существа.

У меня есть предположение, что нарождается новая раса человекоподобных животных, руководимых только инстинктами, но владеющих страшной силой интеллекта при утрате чувства сострадания, совести. И, наверное, чтобы это не зашло далеко, Апокалипсис даже необходим.

Все добрые проповеди, призывающие к соединению с Богом, эта часть человечества (пока человечества, но, может быть, скоро оно превратится в скотоподобие) не воспринимает и не нуждается даже в понятии Бога, не говоря уж о самом Боге.

И всё-таки... Душа каждого из тех, кто пытается быть христианином, старается жить в согласии с заповедями Божьими и с самим собой, не наносить вред самой себе. Поэтому всё-таки надо пытаться достучаться до тех, у кого сердце закрыто на замок неверия, а иначе зачем

мы с тобой восстанавливаем храм. Может быть, в покаяние за тех людей, которые были нашими предками и надругались над храмом, разрушив его. Может быть, затем, чтобы порадоваться помощи Божией в этом деле. Может быть, для притяжения ещё каких-то людей, которые придут в него, и кто-то из них, хоть один, станет христианином.

Может быть, вот так и Господь ещё пока уповает на нас, что число христиан (настоящих) увеличится, и всё ждёт и ждёт, отодвигая время конца.

*Твоя сестра во Христе
Людмила.*

*Ольге Голобурде,
г. Выборг.
12 апреля*

Лунный вальс

Оль, привет!

Космическая тема сильно занимала меня в 18 лет. Тогда я познакомилась по переписке с Петером Ошманом из Венгрии, который тоже бредил небом, и мы много говорили о космическом, шутя мечтали о полётах. В то время я много читала научных книг о строении Вселенной, о Циолковском, который жил в Боровске 12 лет, и один из его домов сохранился, теперь там музей. Тогда же появился мой первый фантазийный рисунок «Лунный вальс» — двое, он и она, в танцевальной позе на земном шаре, сверху от невидимого светила — луч, освещающий эту пару, вокруг звёздное небо — и больше ни души.

Так что эта тема близка и понятна моему сердцу, потому что я в то время Петера полюбила. Тогда я не знала и не понимала, что есть другое Небо, с другими светилами, с другими звёздами, как, например, звезда Вифлеемская, а свет — Божественный. И если душа человеческая захочет стяжать этот свет благодати, то человек душой воспарится до радости духовной внутри себя, которая необъятнее, чем та радость, что была у меня на картинке.

Мы получаем только маленькую долю блаженства, когда влюбляемся чувственной любовью, которую окружаем романтической фантазией, горько тоскуем, когда невозможно физическое соединение, и переживаем сладкие грёзы.

Моя любовь в 18 лет была столь велика и так требовала реального воплощения, хотя бы в картинах, что я «родила» ещё две, одна из которых называлась «Двое», другая — «Первое горе». На первой картине — совсем юные парень и девушка, стоят напротив друг друга, прислонившись к проёму двери подъезда, откуда-то с улицы или с небес лётся

свет, освещая силуэты их фигур. Картина выполнена тушью, и только освещённые места залиты краской нежно-зеленоватого цвета — то ли лунного, то ли света фонаря. Никакого действия нет, но чувствуется радость тихой встречи, даже без прикосновения.

На другой картине — противоположное настроение: фигура девушки во весь рост, и в силуэте её — боль, обида, словно она претерпела какую-то потерю. Она припала к деревцу, которое само такое тонкое и хрупкое, что готово сломиться. И эта ненадёжность обоих, и ветер, треплющий подол её платья, и ветви дерева, и рваные облака на небе, закрывающие луну, и примятая трава — всё говорит о неустойчивости, несчастье, утрате равновесия и мира. Лица девушки не видно — оно против света и закрыто развевающимися волосами, плечи её горестно сжаты. Фигура выглядит уже по-женски округлой и зрелой, но верхняя её часть — как у девочки-подростка. Это противоречие подчёркивает недетское горе ещё не взрослой женщины, которое она переживает наедине с собой, пряча свою женскую беду.

Эти две картины попали на первую в моей жизни всероссийскую выставку самодеятельных художников в Москве. Я об этом пишу, только как о воспоминании из той молодой жизни, когда все темы, которые волнуют тебя теперь, волновали и меня.

Когда рисуешь, очень важно чувствовать и понимать, о чём ты хочешь сказать, пугает ли тебя что-то, радует ли, а главное — какой дух идёт из твоих рисунков: дух любви, созидания, удивления перед красотой мира или страха перед его ужасом, разрушением, порочностью. И это во многом зависит от того, каково состояние души художника, его переживаний, сочувствует ли он миру или отвергает его.

Я желаю тебе углубиться в собственную душу, поискать там ту главную себя, какую задумал Бог, и рассказать об этом другим своими рисунками. Тогда, наверное, и найдутся нужные форма выражения, техника, способ и краски. Это и называется индивидуальность художника.

Очень сочувствую тебе в ситуации с твоими девочками. Мне кажется, если в поиске сиделок ты назовёшь им чуть более высокую оплату, то кто-то придёт, потому что у людей сейчас туго с деньгами и с работой. Если встанет такой вопрос, я надеюсь, что из нашего фонда «Ситуация SOS» я смогу какое-то время (пока в фонде есть деньги) приплачивать твоим сиделкам по 5 тысяч рублей. Ты мне пиши, как обстоят дела с этим вопросом. Уж кто-кто, а я-то знаю, что значит быть беспомощным, зависеть от чужих рук и чужих денег. Вот пока и всё.

Люда.

Двое

Первое горе

*Александру Меламуду,
г. Москва.
12 апреля*

Друг мой Саша!

Уж и нагулялась я, уж и находилась, и насмотрелась, уж и намечталась! Ну, ты молодец — целый город построить! И кто это только придумал — всё выдержать в одном стиле, одними архитектурными фрагментами, но всё разное! Прямо как детский конструктор из кубиков: кубики одни и те же, а конструкции разные. Побродила я и по комнатам — так удобно было бы мне там жить: какая спальня (три мои спальни), а ванна-то какая, мне бы там поплескаться! А мы с Риткой в нашей ванной еле-еле в дверь проходим — вдвоём же, я на ней. А зал для гостей — не ютились бы мои гости, друг на друге сидя по праздникам!

Ну, вот и помечтала! Но ведь твой город и называется «Мечта». Это я так — из Боровска я никуда, ни ногой. Хотя, честно говоря, уже задыхаюсь в своей шестиметровой спальне и я, и все мои сотрудники, потому что работаем в ней до вечера. Потом все расходятся, и я переселяюсь в зал, где попросторнее и стены так не давят.

Никогда не сожалела ни о каком жилье — что имела, то и хорошо. Только утрачивая здоровье, стала сожалеть, что живу на третьем этаже, что нет лифта, что комнаты маловаты и что у Коли нет отдельной комнаты, чтобы когда он себя плохо чувствует, мог бы полежать. А мы бы вокруг него не бегали, работая на телефоне, общаясь с людьми, и чтоб у него была своя мастерская для плетения корзинок. Но это тоже — из разряда мечтаний. А как вспомнишь, что у всех у нас впереди одно „общезитие“ — земля, про которую желают „да будет пухом“... Вот как подумаешь об этом, так уже никому и не задумуешь и ничего не надо. MEMENTO MORI!

Спасибо тебе, Саша, что ты такой!

Твоя Люда.

*Премьер-министру Российской Федерации
В.В. Путину
23 апреля*

Уважаемый Владимир Владимирович!

К Вам обращается Людмила Георгиевна Киселёва, инвалид с детства, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (награждение которой подписывали Вы, будучи Президентом). Пишу

Вам вторично, поэтому посылаю копию первого письма к Вам, которое было переслано в Минздрав, а также ответ из Минздрава.

О проблемах инвалидов, об их потребностях и удовлетворённости, я знаю не понаслышке, а изнутри. За свою долгую жизнь я прошла несколько стадий физического состояния, от более лёгкого (сидячего) положения к наиболее трудному (лежащему), а значит, я знаю, когда и что нужно инвалиду по уходу за ним, чтобы жить не просто в страдании, а полноценной, часто полезной для общества жизнью. Много лет я живу в том напряжении, о котором мало кто знает, но которое является способом выжить и не просто выжить, а жить полноценно, полезно для других и в радость себе. Напряжение это называется – поиск финансов для оплаты сиделок, чьи руки в прямом и переносном смысле держат мою жизнь, а это, уж поверьте, задача не из лёгких.

Моя проблема – не только моя, но и многих людей, находящихся в таком тяжелом физическом состоянии, при котором невозможно пребывание в социальных учреждениях. Прошу обратить Ваше внимание на те строки письма Минздрава, которые были для меня обнадеживающими, что в 2010 году вопрос, который я поднимаю, будет обретать не только словесный положительный ответ, но станет реальным осуществлением:

«Соответственно, создание Федерального фонда поддержки инвалидам может быть осуществлено не ранее 2010 года. К этому времени все необходимые подготовительные работы могут быть завершены».

Итак, закончился 2010 год, и я обратилась к Министру здравоохранения Т.А. Голиковой с вопросом, на что можно надеяться тяжёлобольным инвалидам по прошествии обещанных трёх лет, на что мною не было получено никакого ответа, хотя моё письмо поступило в Министерство 14.12.10 г. за № 27760. Я попыталась узнать по телефону судьбу моего письма. Мне ответили, что не знают, к кому и куда оно поступило.

Хотелось бы знать, какие именно разработаны пути осуществления, о которых говорилось в письме от Министерства здравоохранения, но я полагаю, что это письмо опять будет передано в Минздрав, оттуда его перешлют в Калужский областной минздрав, и таким образом круг замкнётся в виде нулевого решения.

Обращаюсь к Вам с великой просьбой выбрать какой-то иной вариант продвижения затронутой мною темы помощи самым тяжёлым малоимущим людям – беспомощным инвалидам, не имеющим возможности жить без поддержки со стороны. Если главная цель нашей жизни это – милость и сострадание нашего сердца, то пусть Ваше сердце откликнется на это письмо конкретным действием.

Хочу просить Вас ещё и о том, чтобы Вы не обманывались информацией, которую даёт Министерство здравоохранения о том, что подобную услугу уже теперь осуществляют социальные работники су-

шествующих организаций по уходу за разными категориями мало-мощных людей и что тогда может возникнуть, якобы, проблема зарплаты, поскольку уход за тяжелобольным на дому требует более высокой ставки.

К сожалению, Социальное Обслуживание Населения (СОН) предлагает свою помощь лишь два раза в неделю в виде приобретения продуктов питания, лекарства и один раз в месяц уборки квартиры (дома), что, конечно, не решает всех проблем инвалида, о которых я писала ранее.

Я предлагаю отдельное подразделение в социальных структурах для поддержки инвалидов в виде отдельного Фонда, или какой-то другой структуры, выделяющей отдельную плату работников этого подразделения, имеющего свои кадры, подготовку по работе с тяжелобольными. И это не будет вносить конфликт между социальными работниками, исполняющими разную по трудоёмкости работу. Считаю, что постоянное присутствие сиделки около больного должно минимально оплачиваться суммой в 20 тысяч рублей, а максимально – 30 тысяч. Регионы не имеют возможности поддерживать такие цены, и я просила бы Вас не перекладывать на них эту проблему, а решать за счет федерального бюджета. В этом году Министерство здравоохранения получило из государственной казны 60 миллиардов рублей. Так неужели из этой суммы не найдётся ни рубля для страждущих инвалидов?

Моя финансовая проблема недавно разрешилась с помощью калужского губернатора А.Д. Артамонова и спонсора. Но это тоже ненадёжный вариант. Хотелось бы быть уверенным в завтрашнем дне. Опять же решение моей личной проблемы не является решением проблем других тысяч инвалидов, таких же, как я. Считаю, что решение этого вопроса должно быть на федеральном уровне.

Мы не можем изменить судьбу инвалидов, живущих в плену болезни, в ограниченном пространстве, потерявших возможность жить полноценно, но мы можем облегчить их участь, создав хотя бы минимальные удобства для их физической жизни и для жизни духовной, полезной, нужной обществу и самому себе. И это зависит от Вас – людей, имеющих власть и возможность решать наши проблемы, а главное – готовность к тому.

С уважением

*Л.Г. Киселёва,
директор «ДОМа – дети-сироты и инвалиды»
инвалид с детства.*

*Вере Алейновой,
г. Лермонтов.
21 мая*

Дорогая Вера и все-все, кто рядом!

Сегодня — 21 мая, день, в который нам по телевизору наобещали конец света, хотя сам Господь говорил, что о дне и часе том не знает никто, кроме Отца Небесного. Мир живёт сейчас в таком сумасшествии, что стали ценны встречи с людьми, находящимися в состоянии гармонии ума, поступков и желаний в этом безумном мире.

Моя жизнь погружает меня на самое дно людских страданий, болезней, нищеты, бесконечных проблем и забот, сводит с несчастными и убогими, которым без помощи других, более уверенных и успешно живущих, трудно обойтись. Вот с помощью таких людей и живёт наша организация, и, слава Богу, такие люди ещё находятся. Так потихонечку и храм строим. Спасибо и Вам, участникам этого воздвижения. В настоящее время на колокольне «висят» штукатуры, так что дело двинулось, хотя я уже перестала надеяться, что в нынешнем году это будет возможно, поскольку средства на храм собрать теперь трудно: храмы восстанавливаются повсеместно, и все просят денег.

Ну, а я в дни поста, отключившись от телевизора (смотрела только православный канал «Союз»), кроме своих повседневных дел, в свободные минутки писала воспоминания своей жизни. Давным-давно мои друзья, с кем я переписывалась, приставали ко мне, чтобы я сама писала книгу о себе, да мне всё было некогда — наверное, душа ещё не созрела для такого действия. Пишу, не задаваясь целью сделать книгу или сообщить что-то такое, чего до меня никто ни сообщал, а просто, может быть, кому-то пережитое мной будет в помощь и в утешение. И прежде всего, конечно, я имею в виду тех людей (особенно юных), кто находится в таком же положении, как я. Однако, знаю, что и здоровым людям не меньше нужна поддержка, ведь всем трудно живётся на этой земле, и многие из здоровых не выдерживают и уходят от жизни разными способами: кто через наркотики, кто через пьянство, а кто и через петлю.

Посылаю Вам ту часть воспоминаний, которую пока удалось отпечатать, поскольку, думаю, писать буду долго (жизнь вон какая длинная) и обо всём, так что буду присылать частями.

Все Ваши деньги я получаю и в основном использую их на храм. В этом году трудно собираются финансы и на путёвки в Евпаторию, куда мы каждое лето ездим с детьми, поэтому часть денег уходит и на это дело.

На Пасху надо было собрать много гостинцев для ребят, вот и ездили по всей Москве, собирая подарки. А ещё у нас есть традиция по

большим праздникам навещать сирот-стариков, находящихся в отделении сестринского ухода (это зрелище не для нервных). Обычно приглашаем детей из воскресных школ, чтобы они бабушкам попели свои песни, а бабушки пообщались с ними. Старушкам в радость, а дети иногда даже плачут, что меня приятно удивляет, поскольку дети теперь такие ожесточенные, что слезу сострадания из них не очень-то и выдавишь.

Не помню, писала ли я о попытке помочь таким тяжёлым инвалидам, как я, помогать финансово, чтобы они могли оплачивать труд сиделок, без которых им остается только дом престарелых и такой уход, от которого они быстро умирают. Таких на моём попечении четыре человека, посылаю им ежемесячно по 10 тысяч рублей. Деньги накоплены были ещё два года назад и быстро тают. Мне кажется, я Вам рассказывала, что писала в разные годы и Путину, и Медведеву о создании фонда по поддержке таких людей по всей стране, а мои письма пересылаются в минздрав, где всё и глохнет. Недавно сделала ещё одну попытку и, собрав все бумажные переписки, отправила Путину с призывом всё же обратить внимание на эту проблему. Сейчас, накануне выборов, может быть, что-нибудь и стронется, хотя верится с трудом: кому нужны «отходы человечества», только Богу.

Ну вот, пока и всё. Дай Бог Вам всем здоровья и радости духовной.

Людмила.

*Музе Воскресенской,
г. Санкт-Петербург.
22 мая*

Дорогая моя Муза!

Мы все посланы друг другу зачем-нибудь, и лишь с годами начинаешь понимать, кому и зачем. Жизнь свою читаешь, как книжку. Помнишь, ты всё уговаривала меня, как и многие другие, с кем я переписывалась, чтобы я сама о себе книгу написала, а я отнекивалась, ссылаясь на нехватку времени. Оно, конечно, так и есть, да только времени никогда не хватает, особенно, если ты сам себе дела находишь, а мне и искать не приходится — не успеваешь сделать одно, как тут же не успеваешь сделать другое.

Всё-таки во время поста, перестав смотреть этот дурацкий телевизор, в свободное от дел время, я принялась вспоминать свою долгодлинную жизнь. Я не задаюсь целью сделать книгу, не сажусь, как Толстой, в определённый час на определённое время — когда хочу и могу, тогда и пишу, если ещё кто-то из девочек свободен, чтобы печатать (сама-то теперь писать не могу).

Посылаю тебе начало, в котором я из детства «ныряю» в будущее, чтобы не скучно и не занудно было и чтобы показать, что времени в пространстве нет, время в одном комочке и прошлого, и настоящего, и будущего. По мере появления новых страниц, буду присылать, если захочешь.

Я очень рада, что ты рада моим подаркам. Видно, мало кто тебя балует дарами, что ты так была тронута. А хочешь, я тебе ещё чего-нибудь пришлю из книг, например? Что тебя интересует?

Да уж, грустно жить в старости, и понимаешь это тогда, когда входишь в этот возраст. Я теперь всё время каюсь в том, что я не понимала своих родителей в их пожилом возрасте, особенно маму, теперь больно и обидно, а ничего не исправишь. А молодым не расскажешь, как больно, трудно и страшно жить в старости, — всё равно не поймут, как не понимала и я. И с этим возрастным одиночеством ничего не поделаешь. Хорошо, если рядом есть хоть кто-нибудь живой, кто поможет, когда упадёшь. Здоровые этого не понимают.

Я опять вступила в полосу атаки на правительство и президента со своим многолетним вопросом и предложением основать федеральный фонд оплаты сиделок для индивидуального ухода на дому за такими тяжёлыми инвалидами, как я и многие другие на этом свете. С 2007 года мои письма переправляются в Минздравсоцразвития, а оттуда в калужский минздрав, который в свою очередь меня спрашивает: чего же я хочу? Вот я пишу опять и опять, чего я хочу. А пока ишу деньги и шлю таким, как я, которые умрут без ухода на дому, по 10 тысяч рублей. Они живут в провинции, и там этого достаточно, чего не скажешь о Москве, где расходы другие. Деньги скоро кончаются (ещё хватит на полгода), и если никто не даст больше, а Минздраву нет до этого дела, значит, эти люди будут погибать, если не найдутся какие-нибудь добрые дяди-тёти, которые им помогут.

С трудом собрали деньги на путёвки больным детям в санатории на Чёрное море, на совсем маленькие группы. Продолжаю реставрировать храм Крестовоздвижения — тоже помаленьку, нет денег.

Всё это наводит на очень грустные размышления, когда видишь коттеджи и замки, бассейны и прочее, прочее в нашей нищей стране. Но говорить об этом не хочется. Я нашла для себя философию, что надо жить там, где Бог поставил, и заниматься доброделанием на своём пяточке земли и искать таких же людей, стремящихся к доброделанию. Вот и вся философия.

Так жалко, что твой сын живёт далеко от нас. Как нам нужны люди такой профессии! Да и вообще жалко, что вы все живёте так далеко! Я всегда сожалела об этом. Потом поняла, что Бог посылает людей не просто для радостного общения, а чтобы рядом друг с другом мы менялись в самих себе. Приятно быть с приятным человеком, близким по духу, по мысли, по культурному уровню — ну, поговорили о Пушкине, о стихах, о музыке, пофилософствовали и ра-

зошлись. А вот когда судьба посылает человека, от которого зависит твоя жизнь (не важно в каком виде), а он — дерзкий, самовлюблённый, но у него есть добрые качества, в твоей ежедневной жизни идёт работа, поиск пути: каким тебе быть рядом с ним, пойти ли на поводу и дерзить в ответ или обратиться к лучшим качествам этого человека и искать согласия и сотрудничества.

А что ты думаешь по этому поводу? С этим вопросом и оставляю тебя в ожидании ответа.

Дай Бог тебе сил держаться и не падать, ни в прямом, ни в переносном смысле.

Обнимаю.

Люсьена.

Фаине Ибрагимовой,

г. Екатеринбург.

18 июня

Дорогая Фаина!

Нина Добрикова

Очень рада, что будет вечер, посвящённый Нине Добриковой. У меня с нею связаны самые добрые воспоминания. Наше знакомство началось так давно, что я и не помню, в каком году. Началось оно знакомством с её подругой — поэтессой Валентиной Невинной, которая тогда уже не раз входила в мой дом. Настоящая душевная близость с Ниной пришла в ту пору, когда после смерти моих родителей я осталась одна и по болезни от меня ушла подруга, ухаживавшая за мной. У меня было безысходное положение, хотя рядом был муж, только что появившийся в моей судьбе, но это был мужчина, которому позволить ухаживать за собой в тот момент мне представлялось совершенно невозможным.

Нина тогда жила в Якутске и работала в театре. Я просто поделилась с нею своими обстоятельствами, и через несколько дней она сообщила, что хочет помочь нам, пока не найдется кто-то подходящий. Так она поселилась у нас на два с лишним месяца.

Я всё время вспоминаю одну и ту же картину: Ниночка приходит в мою жизнь стройная, красивая, с длинными локонами — такая вся изящная, что мне не верилось, что она сможет выполнять грубую домашнюю работу: носить мои горшки, переносить моё тело с одного места на другое, надевать на меня корсет (а это так трудно, что даже мама плакала в последние годы своей жизни), готовить обеды, стирать, полоскать белье на речке, потому что в доме не было воды, ходить в туалет во двор, потому что в доме не было туалета. И со всем этим она справлялась.

Конечно, Коля помогал ей: копал огород, высаживал картошку и огурцы и все прочее, ходил на колодец за водой, помогал носить полоскать белье на речку. Но ночью, когда мне плохо спалось, только Нине приходилось подниматься ко мне по нескольку раз, чтобы поправить, подложить, подбить матрас, подушки, перевернуть моё тело со спины на бок, и всё исполнять одной и бесплатно.

И вот тут я касаюсь того состояния души, которое было в ней, что давало ей силы сносить всё это. Я знаю, что в течение дальнейшей жизни, уже после меня, она продолжала отдавать свои силы другим людям, кому требовалась помощь в безысходной ситуации.

Когда душа человека живёт вечными нравственными категориями, когда человек верит, что мир не может существовать, если мы не умеем жить друг для друга, жертвуя собой, отдавая себя, не спрашивая за это благодарности, когда верит, что на этой земле он только временно и потому не здесь его богатство, его сокровища, если он помнит об этом и руководствуется этим каждодневно, а не только на лекции или каком-то собрании, то он может невозможное.

Почему-то с годами вспоминаются фрагменты жизни, которые кажутся ничего не значащими на первый взгляд, а по сути, являются философией жизни. Вспоминаю, как Нина стоит у окна, выходящего на дорогу, и задумчиво говорит: «Вон человек идёт по дороге, наверное, на работу. Думает, что на работу, а на самом деле целый день он будет в разных ситуациях между злом и добром и будет поступать так или иначе — это и есть главная работа». Конечно, я не помню слово в слово, но мысль вот эта. Или, например, она поднимает меня на руки, чтобы пересадить с кровати на стул, а я боюсь, что она меня уронит своими худенькими руками, и я тряусь, а она говорит мне: «Ну, что ты всё боишься, разве ты не знаешь, что Бог с тобою, и он тебя не уронит!»

Конечно, были между нами и непонимания, о которых я теперь очень сожалею, и ссоры — Ниночка была очень горячим человеком. Бывало, что мы плакали друг от друга.

Наши религиозные взгляды разъединились, наше духовное восхождение пошло разными путями, но мы не стали искать разъединяющие нас причины, а оставили в наших отношениях только соединяющее. И на протяжении всей дальнейшей жизни не стали доказывать друг другу правильность своего выбора.

Удивляло меня в Нине то, чего я тогда не могла понять. В то время, в 1986 году, мы жили если не в полной бедности, то в больших материальных недостатках, а всем нам хотелось и приодеться, и украсить. Нина никогда не была одета роскошно, но всегда со вкусом. За два месяца жизни со мной её прекрасные локоны были часто всклокочены и иногда просто покрыты платочком. При её тяжелой жизни в нашем доме ей стало не до причёски. Она никогда не жалела ничего из своей одежды или каких-то украшений, раздари-

Нина Добрикова

ла всё тем, кто бывал у меня, если кому-то её вещь понравилась. Когда я говорила ей, что нельзя потакать попрошайничеству, она отвечала: значит, ему эта вещь нужнее. Так же она относилась и к деньгам.

В Якутске Нину ждал муж Саша Попов, тоже актёр театра. Из Москвы звонила её свекровь и убеждала Нину, что она сделала глупость, оставив театр и мужа, и что всё это плохо кончится. Нина только вскользь упоминала об этих телефонных увещеваниях, никогда не осуждая свою свекровь, её взгляды. Она вообще избегала кого-либо осуждать и очень редко высказывалась о чужих недостатках.

Как актрису я Нину оценила, когда Коле подарили видеокамеру, и мы решили записать на пленку Нинин моноспектакль, сценарий которого она написала сама. Решено было сделать это на природе — на берегу, у речки. Мы снимали весь процесс её внешнего преобразования: как она накладывала грим на лицо и руки, как переодевалась. И мы поражались, как изящная женщина превращалась в старушку на наших глазах. А главное — её внутреннее перевоплощение: оно было не только в походке, в лице, в голосе, но во всем образе, за которым была видна целая жизнь, судьба. Вместо её мужа Саши, который в театре исполняет в этом спектакле роль попутчика-пьяницы, «выступал» мой брат Валера. В его роли не было слов — он просто лежал в траве ничком, лежал так долго в одной позе, что простудился и заболел — так он пострадал ради искусства. А Нина была прекрасна.

Посылаю фотографию Нины, когда она была у меня, кажется, в последний раз. Вот такая она ко мне приехала в начале нашей встречи. Вот пока и всё.

Людмила.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина
26 июня*

Таня, здравствуй!

Рада получить от тебя весточку, поскольку давно ничего о тебе не знаю. Жизнь наша всё сложнее с каждым днем, и я «утешаюсь» парадоксальной фразой: «Лучше может и не быть, а хуже всегда будет». Ты задаёшь вопрос о нашем здоровье, а его перевожу: как самочувствие? Всё-таки самочувствие включает в себя не только здоровье телесное, но и душевное, и способность к жизнедеятельности, желание жить и иметь (или не иметь) радость бытия. Вот исходя из этого могу сказать, что радость бытия я ещё не утратила, хотя очень устала от своего 13-летнего лежания, от болезней, от домашних неурядиц, от

того, что жизнь у меня теперь не семейная, а общежитская, но... Благодарю Бога за то, что есть люди, которые помогают деньгами, чтобы оплачивать сиделок и кормиться (другого уже ничего и не надо), что есть руки, которые носят меня, что радость не ушла из сердца от всех тягот, что могу по-прежнему работать с детьми, помогая им и не только им, а людям во всякой ситуации, которые приходят ко мне с просьбами о помощи, что храм наш поднимается, несмотря на недостаток денег. Радуюсь, что Бог послал мне человека, который помогает рабочими, оплачивая их труд, что у меня красивые и любимые коты, что в доме тепло и сытно... И ещё много чего, что перевешивает мои беды и горести.

Николай Сергеевич после инсульта частично потерял зрение и теперь мне не помощник, кроме своего присутствия. Пытался плести корзиночки, чтобы самому не унывать и какую-то денежку иметь, хотя бы на сигареты, но сегодня мало кого интересуют декоративные корзинки. Люди интересуются только тем, что приносит практическую пользу, а не любованье для глаз.

Твои и мои картины — это тоже для глаз, для души, а потому не копируются в наше время. Когда бывает какая-то выставка-продажа, мы с Николаем на принтере воспроизводим свои рисунки, и иногда находятся покупатели, но это бывает очень редко. Некоторые мои друзья художники выставляют свои работы в Интернете (не помню, какой сайт, если хочешь, узнаю), пишут сразу цену, и так у них идёт продажа и довольно успешно. Может, и тебе так попробовать? У меня до этого руки не доходят, да и некому этим заниматься. Рита у меня — помощник по компьютеру, но не настолько профессиональный.

Кстати, на днях она защищает диплом, проучившись 5 лет в заочном институте, какой был рядом с нами. «Экономика в строительстве и промышленности» — профессия «сквозная», везде нужная, но пока Ритина судьба связана со мной, наверное, до моей смерти. Последнее и утешает, и огорчает: утешает, что у меня рядом есть надёжный человек, а огорчает, что ей 30 лет, что она могла бы быть замужем, иметь детей, хотя она сама считает, что «не фиг разводить нищету — нежели не богат, нечего и начинать». Вот такая она у нас премудрая. Со мной уже восьмой год.

А родственники никогда и ко мне не приходили, кроме двух тёток, которые уже умерли, и я теперь молюсь за них. В одном доме со мной живёт двоюродный брат Валера, хороший человек, но имеет слабость к выпивке, что губило его всегда. Однако в последнее время его судьба резко изменилась: в его жизнь вернулся сын, которого когда-то давно при разводе увезла жена и не разрешала с ним встречаться.

Сейчас сыну 40 лет, и он сам нашёл отца. У него свои дети подросткового возраста, очень похожие на деда, особенно длинными носами. И теперь у Валеры появилась семья. Они часто встречаются. И несчастных поводов для выпивки стало меньше. Он помогает мне

на огороде, по дому, работает в нашей организации на складе. А другие мои родственники и знать не хотят, как я тут живу. Наверное, по слухам знают, что не пропадаю, вот и не предлагают свою помощь. Бог им судья.

Вдалеке, аж на Дальнем Востоке, живут добрые родственники, их дети сейчас переехали в Москву, и одна из девочек приезжает ко мне — поддерживает родственную связь. И всю жизнь вокруг меня чужие люди, которые помогают, их немало, и я рада, что Бог посылает мне столько всех и всяких.

Я была очень замкнута в детстве и юности, и мне стоило больших усилий заинтересовать собой тех, кто приходил в мой дом. Это были и есть разные по культуре люди, с разными интересами, и со всеми я училась разговаривать, как писал апостол Павел: «С эллином я был, как эллин, с иудеем я был, как иудей...» — то есть не гнушался никого, даже самых низких сословий.

Вот и у тебя соседи оказались более близкими, чем родные по крови, об этом я однажды и писала тебе, что неизвестно, как сложится наша жизнь, может, соседям придётся поклониться. Слава Богу, когда рядом есть хоть кто-то живой, ходит недалеко, дышит, вздыхает, кого можно окликнуть, убедиться, что ты не один. Когда я была совсем маленькая и родители увозили меня пожить к бабушке, дом которой стоял посреди больших огородов и рядом ни домов, ни людей, я страшно боялась оставаться одна, потому что некого было позвать если вдруг со мной что-то случится. С годами этот страх отошёл от меня, когда в доме появился телефон, который стал моими руками, моим голосом, моим спасением, моим другом, и если почему-либо он не работал, то это было соответственно отказу какого-то моего органа. А вот к пожилому возрасту этот страх вернулся ко мне — вдруг я не могу сама дотянуться до телефона, когда не могу громко крикнуть, чтобы позвать, и потому я боюсь оставаться одна.

Таня, неужели в вашем селе невозможно найти человека, который стал бы для тебя помощником хотя бы по дому, а позднее, может быть, и для ухода за тобой? Я спрашиваю об этом потому, что если такой человек найдётся, то от нашей организации мы могли бы платить ему ежемесячно 5-7 тысяч рублей, то есть 200 долларов. Я не знаю, велики ли эти деньги для Украины. В России всё очень дорого и деньги тоже какие-то бешеные. Помнится, ты заводила сберкнижки и для русских денег, и для валюты. Напиши мне об этом подробно. Твой помощник будет расписываться каждый раз в получении денег.

Что касается твоих размышлений о прошлой и современной эстраде, то я полностью разделяю твоё мнение, хотя большинству нынешней молодежи они кажутся старомодными. Однако меня радует, что стали обращаться к старым песням, но огорчает, что их поют на новый лад, который совсем не соответствует эмоциональному содержанию песни. И зависит это от того наполнения души, которое было у исполнителя прошлого поколения и есть у сегодняшнего. От этого же зависит и раз-

ное качество прошлых и нынешних произведений. Человек, не имеющий глубокого душевного чувствования, не может выразить истинное содержание песни, отсюда все издержки, о которых ты пишешь.

Певцов Яака Йоалу и Тыниса Мяги недавно показывали по телевизору в большой передаче, так что их не забыли, в том числе и Анни Вески.

Напиши, если кто-то откликнется на твой блог. А ещё напомни мне, посылала ли я тебе книгу на украинском языке Оксаны Ламоновой о художниках (в том числе обо мне)?

Посылаю тебе фото нашего храма, на который я полагаю силы, а также наших котов и меня самой. И пока прощаюсь с тобой.

Л.Г.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина
3 июля*

Таня, здравствуй.

Наверное, я очень долго живу, много видела и слышала, поэтому мне всё кажется уже виденным и слышанным не один раз. Прости, если моё слово будет жёстким, ведь с годами устаёшь от однообразия и в самой жизни, и в искусстве, но всё, что написано тобой о певцах — это банально. Так писались при соцреализме передовицы и рецензии на страницах всяких журналов и газет о культуре. И дело тут не в стилистике, и не в «гладкописи», которая свойственна «дежурному» автору, а в том, что авторства-то и нет, ибо оно должно быть индивидуально, написанное должно проходить через мысли и сердце того, кто пишет. А этого и нет.

Мне больше всего понравились те фрагменты, где ты пишешь, что у тебя болело сердце и не помогали никакие лекарства, а вот пение Яака Йоалы излечило эту боль. Если бы писала об этом, начала бы с того времени, когда ты ещё бегала в школу и слышала его песню «Солнечные часы», а когда услышала песню «Подберу музыку к тебе», то уже два года, как лежала в болезни. Никому не интересен «искусствоведческий» комментарий к песне, зато было бы интересно, как переплелись песни с твоей судьбой, как искусство владеет человеческим сердцем, как оно влияет на настроение, а иногда и на судьбу. Это было бы ТВОЁ размышление, а не «дежурное», как пишут все. Такое можно было бы послать даже самому певцу, которому наверняка это было бы очень приятно, в отличие от исследования его песнопения.

То же касается и других певцов. А своё соединение с их творчеством надо искать не в гороскопе, а в индивидуальном восприятии,

в собственных чувствах и мыслях, если хочешь сказать интересное для всех.

Я надеюсь, что ты уже пережила ту возрастную стадию, когда на критику обижаются. Сейчас так много графоманства в литературе, что наши требования к самим себе в отношении глубины содержания должны быть жёсткими.

Ну, а чтобы ты могла мне „отомстить“ (шучу), посылаю тебе мои попытки описать свои годы жизни, свои чувства, свои вкусы, свой путь в поисках себя, поиск Бога и вспомнить всех людей на этом пути, которые так или иначе формировали мою личность. Пока всего 19 страниц, надиктованных во время поста, когда не смотрела телевизор, которого мне всё-таки не хватает по причине моего ограниченного контакта с пространством за окном. Чтобы писать, надо сосредоточиться, а в моих условиях это почти невозможно.

Теперь о делах финансовых. Я так и не поняла, куда надо послать деньги, чтобы ты сама могла их получить. И ещё я не поняла, будет ли эта девочка приходить к тебе как соработник, как часто, и обязана ли она выполнять ту работу, которая для тебя представляет сложность (приготовление еды, стирка, уборка). И не проще ли посылать тебе деньги почтой, чтобы почтальонка принесла домой лично в руки? Я хотела бы, чтобы с тобой рядом был человек, который ежедневно был бы тебе помощником во всех делах, — именно за это я хочу платить деньги, такова цель нашего подразделения «Ситуация SOS».

Ну, вот пока и всё. Дай Бог тебе сил терпеть эту жизнь, и, может быть, с помощью чьих-то рук и ног удастся освободить твои руки и ноги от тяжких забот, чтобы они занимались другой работой, близкой твоей душе - творчеством.

Л.Г.

*Тамаре Горобченко,
г. Минск, Беларусь
8 июля*

Дорогая моя Томочка!

Вот и опять этот день, когда каждый из нас начинает жить. Многие люди на земле желают свидетельств о чудесах, и мало кто задумывается о том, что сама по себе жизнь — это чудо. Разве не чудо, когда из навоза, из навоза, из маленького семечка — этого «мини-компьютера» — вдруг «выпучивается» морковка, или огурец, или дерево, или цветок, набирая разные формы, вкус, цвет. А человек? Откуда что берётся? Из какого-то «хвостика», именуемого сперматозоидом, — вдруг мыслящее существо, осознающее весь мир вокруг и самого себя, «начинённого» душой, которая в нём возрастает

(или не возрастает) по мере духовного продвижения, да ещё и продолжается далее в вечность в неведомых мирах. Во! Это ж надо! Вот уж чудо! Но все привыкли к своему существованию, к огурцу и репке, к рождению ребёнка и живут с постными минами, недовольные жизнью и собой, а о душе часто и не вспоминают, если только заболит от какого-то горя.

С Днем рождения тебя! То была прелюда к тому, чтобы ты возрадовалась окружающим тебя птицам, деревьям, цветам. Что можешь идти по улицам, любоваться восходом солнца, дышать свежим воздухом. Во сколько счастья на каждый день! Недаром всё-таки люди боятся смерти и не хотят умирать и стараются не думать о том, полагая, что умрёт кто-то другой, но не он. Может, это потому, что душа-то знает жизнь вечную.

Ну, вот такая моя философия. И жизнь подстраивается под неё, хотя у меня нет тех радостей, какие есть у множества людей.

С утрачка, не успеешь попить-поесть, начинаются телефонные звонки по делам, к обеду все мои сотрудницы отдуваются, приговаривая: «Что за день сегодня, какой-то бешеный?!» А такие дни каждый день. В выходные даже скучно.

Наш храм окончательно восстал, и я шлю тебе фотографии. К сожалению, у всех сейчас туго с деньгами и продолжение работ внутри, наверное, приостановится на какое-то время.

Коля ездил недавно с полоническим автобусом в Дивеево, где пробыл три дня, и вернулся весь в восторге от царящей там благодати. Что-то, наконец, происходит в его душе, и радуется то, что у него опять появилась жажда молиться.

Прислала ли тебе Фаина из Екатеринбурга сообщение о том, что в августе там будет творческий вечер, посвящённый памяти Нины Добриковой? Она просит всех, кто общался с Ниной, написать свои воспоминания о ней. Я послала большое письмо о том, как мы жили с Ниной бок о бок два с лишним месяца, пока Коля не взял в свои руки бразды правления и меня. А ещё у меня сохранилась съёмка её моноспектакля, которую делал Коля на берегу реки (она там как бы ждёт парома по рассказу). Мы записали его на диск и тоже отправили для вечера. А ты видела этот спектакль? Нина сама написала этот монолог.

Ну, вот пока и всё. Если моя бандеролька не успеет ко дню рождения, не обижайся: либо почта виновата, либо я. Радости тебе — просто так, без причин.

Людмила.

*Вере Алейновой,
г. Лермонтов
28 июля*

Дорогая Вера!

Получила твоё письмо и деньги тоже, так что не волнуйся — слава Богу, не воруют. Спасибо тебе за твою малую лепту. Жаль, что приходится людям уходящим печалиться о том, что социалистический режим разрушил хоть как-то налаженную религиозную жизнь и молодые поколения выросли безбожниками, а матерям и отцам теперь скорбеть.

Если ты хочешь, я могу подать записки с именами твоих детей (и тебя, и мужа, конечно) в наш Свято-Никольский монастырь, где читается неусыпаемая псалтирь. Так, может быть, через Небо снизойдёт чудо благодати на детей твоих, и души их изменятся. Ты, наверное, знаешь, что в очень редких монастырях есть такая молитва — днём и ночью.

В верхние властные структуры я давно не верю, потому что они живут какой-то своей отдельной от народа жизнью, мыслят «мировыми» категориями и им не до маленьких людей. Но у меня нет другого выхода, как обращаться наверх, поскольку малыми силами отдельных спонсоров фонд для поддержки тяжёлых инвалидов создать практически невозможно. Я сейчас опекаю четырёх тяжелейших ин-

валидов, деньги эти скоро заканчиваются, а притока новых нет, и я с болью думаю о том времени, когда я, как бедная мамка, не смогу накормить своих детей. Высылаю я им каждый месяц по 10 000 рублей — это мизерная сумма, но она спасает их жизнь. Я всё-таки надеюсь, что Бог услышит мой плач по ним и по себе (ведь я тоже вынуждена жить спонсорской помощью) и пошлет нам либо какого-то чудо-благодетеля, либо умягчит сердца наших правителей, и они пойдут навстречу моим просьбам.

В остальном у нас всё по-прежнему. Николай недавно ездил в Дивеево и получил там такое духовное воскрешение, что теперь всё время молится.

Дети мои разъехались по морям, и я жду, когда наступит осень и все соберутся, как птицы, дома.

Сама на воздухе не была ни разу: выносить меня с третьего этажа некому, и поскольку Коля полуслепой, машину не водит, и везти меня тоже некому.

Пышляю тебе покаянное продолжение своей окаянной жизни и надеюсь, что ещё будет продолжение. Помолись обо мне.

Людмила.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
30 июля*

Дорогая Оксана!

Получили все твои «отчёты» о поездках по Европе. Спасибо за подробную информацию, жаль, что видеть и читать сообщение, присутствовать и слушать издалека — это не одно и то же.

Ну, а я нахожусь в одной точке земного шара с очень маленькой амплитудой движения из стороны в сторону и обратно: с дивана на кровать и с кровати на диван. В этом году не удалось ни разу побывать на воздухе, так как нет ни одной тягловой силы — все разъехались, что свидетельствует о лете. А жара такая, что можно только пометчать, чтобы полежать под деревьями где-нибудь на полянке. Но пишу я об этом уже без печали — давно смирилась с тем, что есть, и радуюсь тому, что есть. Может быть, когда-нибудь в мирах иных я увижу весь мир, полетев, куда хочу, на крыльях. Но это тоже мечта.

Реальность такова, что повторяется каждый день в одних и тех же вариантах. Закончили реставрацию храма с его видимых сторон, а на невидимое, то есть внутреннее помещение, денег как не было, так и нет. А так хотелось к 200-летию победы в войне 1812 года, чтоб за-

звонили колокола на этом храме, ведь он был построен именно в честь этой победы.

Совсем недавно вышла книга Валерия Прокошина из ненапечатанного, а также две отдельные книги с его творениями «не для всех» — тем, что друзья наши считают «извращенческим» (порно, скабрёзное и т.п.). В советское время такое вообще не печатали, ну, а друзья решили печатать не только его светлые стихи, а и всё остальное, чтобы был, какой был. Я посылаю тебе кое-что из его стихов.

Маня наша сильно пострадала: в отсутствие Риты, которая вычёсывает всех котов, на Маше обра-

зовались колтуны аж до самой кожи, и её пришлось постричь наголо, кроме хвоста и морды, — экстерьер ужасающий, как у тех дорогостоящих голых кошек. Ну, ничего, надеюсь, обрастёт к зиме, а сейчас вид у неё несчастный.

Ну, вот пока и всё. Привет от всех двуногих и четвероногих.
Пока.

Л.Г.

*Людмиле Матвеевой,
г. Павлино, Московская обл.
31 июля*

Уважаемая Людмила Николаевна!

Прошу прощения за затянувшееся молчание, но если нечего сказать в ответ, то как бы и не торопиться. Спасибо за Вашу заботу обо мне, но, как говорится, каждому своё. Господь с детства дал мне крест, и если я его пронесла уже через всю жизнь, то в 70 лет было бы по меньшей мере странно сбрасывать его, пытаюсь освободиться

от ноши. Здоровье — временное состояние на земле, и здоровым, конечно, хорошо быть, когда у тебя ещё вся жизнь впереди, а на кончике жизни молить кого-то изменить твоё состояние — это изменять Божьей воле. Если суждено мне вдруг встать, то не по моей воле, а как того Господь захочет для какой-то своей цели.

Простите меня. Храни Вас Бог.

Л.Г.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
31 июля*

Юра, привет!

Не прошло и полгода, как я отвечаю на твоё письмо в надежде, что ты его ещё ждешь. Для меня было неожиданным открытием, что ты по природе своей буйный человек и дерёшься, как мой дядя. И хотя ты считаешь, что это наследственное, мне думается, что это проблема психологическая, и повышенная возбудимость, гневливость и тем паче раздражительность — от какой-то скрытой неудовлетворённости, о которой человек часто сам не знает и ищет утешения в вине, в женщинах, в садистских проявлениях, дабы успокоить самого себя. Конечно, не там ищут, ибо ничто не является лекарством для раздражённого, как сгармонизированное его существование внутри себя, даже если вокруг него внешняя неустроенность. А это возможно только в состоянии духовного обретения, понимания своей жизни, в согласии с тем, что она такая, как есть, то есть в смирении. Ну, вот это-то как раз и самое трудное, это и называется «тяжёлый крест».

Впрочем, всё это ты и сам знаешь. Мы много чего знаем, только исполнять не можем или не хотим. Вот потому колодец нашей грязи никак и не вычёрпывается и кажется бездонным, что не очень активно хотим измениться.

В последнее время я тоже отчаивалась, глядя на себя и других людей: какое же милосердие надо иметь Богу, чтобы терпеть это окаянное человечество, которое ничему не учится, хотя ему дано всё для понимания, почему он так страдает, почему так нелепа его жизнь. И стала терять веру, что у человека есть силы изменяться. Мне стало думать, что меняет человека только чудо, происходящее с ним не от его воли. А вот придёт Ангел и скажет, что надо сделать, чтобы быть настоящим христианином, может, тогда человек и потрясётся и несколько дней будет жить иначе, а после опять по-прежнему.

Но потом я пришла к другому осознанию: Господь верит в нас, а я кто такая, чтобы сомневаться? И ещё я знаю одно, что от уныния надо спасаться здесь, на земле, каким-то делом, которому хотелось

бы посвящать себя. И если человек остаётся без дела, так его и заносит в разные стороны. Хорошо бы тебе найти работу, которая станет якорем удерживающим. Может, к нам приедешь работать редактором местной газеты? Конечно, это не масштаб, но сделать интересной как раз маленькую провинциальную газету очень трудно, зато достойно именно потому, что трудно. Или у тебя сейчас руки связаны служением больной маме? Писал ли ты когда-нибудь детские стихи? Мы тут ищем местных поэтов, кто пишет детские произведения с православным духом.

Как твои отношения с Надей? Чем живет она?

Пиши давай или приезжай. А пока-пока.

Людмила.

Ольге Голобурде,

г. Выборг.

31 августа

Оль, привет!

Очень хорошо понимаю, что у тебя сейчас на сердце, и всё-таки я знаю, что всё это проходит и потом смотришь на своего возлюбленного и диву даешься: совсем чужой человек, какой-то дядя, неужели из-за него было столько слёз?! Любовь — это как болезнь, и пока не переболеешь — не выздоровеешь. У тебя сейчас стадия обострения болезни, кризис, будем надеяться, что больной пойдёт на поправку, а другой вариант придёт естественным путем когда-нибудь сам, без наших усилий.

Терпи, девка!

Обо мне не беспокойся, у меня столько всего было до ухода Коли, что я уже закалилась, ведь он с другой женщиной уже пять лет, только жил в моём доме, а всей душой и телом был в другом месте. Я положила на волю Божию и решила не предпринимать крутых мер, ну, вот оно само собой всё и случилось — он резко ушёл, не попрощавшись. Бог ему судья! Я его жалела все эти пять лет, видя, что он пропадает, потому что женщина та — пьющая, и он с ней тоже спился. Куда подевались все его стихи, песни, рисунки и мудрость! Смотреть на всё это было жалко, потому что это тоже — болезнь. И я знала, что всё это плохо кончится. Вот и случился инсульт и, как следствие, слепота. Я предполагаю, что дальше будет ещё хуже, ведь мы остались в венчанном браке. Может, Господь пощадит его, ведь всё равно всё происходит с Божьего попущения.

Я внушила Коле, что если уж так случилось, то не ему надо пропасть за ней идти, а её вытаскивать из пропасти пьянства. И когда после инсульта он „зашился“, то уговорил и её сделать это. Они стали

вместе ездить по святым местам, молиться, она занялась ремонтом в своей квартире и прочим хозяйством.

Так что если их жизнь наладится и они будут стоять в церкви, то в этом будет и моя заслуга — моя жертва. Тем и стараюсь утешиться.

Так что, Ольга, кончай реветь, молись Богу, чтобы у тебя было всё то, что есть сейчас (а то и этого может не быть), и Господь пошлёт что-то такое, что нашему уму сейчас и не представляется, ибо у него на нас другие планы, чем мы хотим и думаем.

Люда.

*Татьяне Пыжиковой,
г. Калуга.
9 сентября*

Танища, привет!

Дней 10 назад послала тебе бандероль с моей рукописью, и вот шлю письмом ещё одну главу, любовно-магаданскую. Если есть у тебя время и желание всё это читать, то прошу твоих орфо-морфозамечаний, ну, и всех остальных пожеланий. Ведь когда пишешь, кажется, то всё хорошо, а то наоборот — ничего хорошего.

От меня ушёл Коля к той женщине, с которой сожительствовал 5 лет — устал сидеть на двух стульях. В моей реальной жизни от этого ничего не изменилось — он перестал соучаствовать с жизнью и делами нашего дома, в основном, терпел своё положение, так что семьи давно нет. И всё равно грустно, ведь были времена, когда мы оба думали, что умрём в один день и нас похоронят в одном гробу.

Коля очень изменился в последнее время или наоборот вернулся к себе тому, каким он и был до знакомства со мной. Впрочем, как писал А. Вознесенский: «Не укоряю, что прошла, благодарю, что проходила».

Пока всё. Пиши.

Люсица.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
16 сентября*

Юра, здравствуй!

Ты затронул болезную для меня тему — тему моих воспоминаний о Прокошине. В своей книге я как раз подошла к тому времени, когда в моей жизни появился Валера, а у меня связано с ним мно-

го чего, о чём не всем расскажешь, только в личной книге-исповеди.

Что касается публичного выступления, то это оказалось непросто, ибо высказаться о Валере как о человеке — это одно, а говорить о его поэзии, неразрывно с ним связанной, но часто живущей от него отдельной жизнью, — это другое. Мне казалось, что Прокошин и его стихи — это две разные ипостаси. Я всю жизнь поражаюсь тому факту, насколько ограничен был его лексикон в бытовой жизни, в беседах об искусстве и прочих наших беседах и насколько неожидан в его стихах: мне казалось, что Прокошин-человек и слов-то таких не знает, какие употребляет в стихах Прокошин-поэт. И не один раз мне казалось, что ему несвойственно то глубокое мышление, которое живёт в его поэзии. Это было видно и по его выступлениям на телевидении, когда он и двух слов связать не мог.

И такой же дуализм свойствен ему в его стихах, где сила чистой любви, романтического видения, удивительно тонкого восприятия человеческих отношений, всё-всё насыщенное любовью вдруг подменяется другим: цинизмом, эротическими смакованиями, а часто похабщиной, от чего веет духом, противоположным любви, — неверием, озлоблением и совершенно полной безнадежностью существования без Бога.

Вот при таком моём видении поэзии Прокошина как и что писать? Я не послала тебе ещё две книги прозы, которые изданы отдельно, чтобы не пугать в твоём лице читателя, знакомящегося с книгой стихов, изданной сейчас. У меня такое впечатление, как если бы с человека сняли верхнюю кожу, обнажив его внутреннюю анатомию: кровавое мясо, жилы, кости и прочее неприглядное устройство человеческого тела, которое Господь прикрыл красивой внешностью. При этом внутренность человека, если без эстетики, очень удивительно устроена, «техника» безупречна. Вот так и проза Прокошина, она великолепна, его стихи гениальны по своей технике, но меня преследует ощущение, что он снимает кожу с души и показывает содержание человеческой испорченности на уровне звериных инстинктов, психопатии, неуправляемости, мистичности и невозможности быть другим.

Неправда ли, что мы и сами часто так думаем, находя в себе и

в других это зверское, это больное, что нам кажется необратимым с невозможностью изменить что-либо в себе? И жизнь наша человеческая каждый день подтверждает это, но мы каждый день продираемся к себе, к той своей части, которая в нас от Бога, с программой, Им задуманной, и ищем возмож-

ность исправления себя в этой программе. Мы обдираемся в кровь в поисках самих себя, но кто уверовал, что в этом смысл нашего земного предназначения, тот терпит все муки. И тот ищет поддержки своему оздоровлению в Евангелии и в земном искусстве, в том числе и в поэзии. Когда человек натывается на ту литературу, которую производит Прокошин, он ищет в ней того Духа, который помог бы ему восстанавливаться, очищаться, но падает когда он читает прозу Прокошина, его творчество последних лет, совсем другого духа — духа, несущего смерть.

Теперь скажи мне, можно ли обнародовать всё то, что я написала, посвящая человеку, которого я любила, ценила его поэзию, ту гениальную часть, где он несёт свет и любовь? Но я ведь не могу промолчать и о той его части, которая изменила самому себе, мне и, по сути, является отрицанием Бога.

А ещё я молюсь за него потому, что в какой-то степени чувствую себя виноватой в том, что он так и не пришёл в церковь. В пору, когда мы с Колей вошли в церковь и наш духовник взял нас за руки и повёл к Богу, будучи неопитами, мы старались насаждать свои знания среди тех, кто рядом. А рядом был Прокошин, ближе всех, и Коля был его первым другом, который любил проповедовать всё то, чего и сам ещё не понимал, и говорил словами батюшки. А у Валеры было много вопросов, на которые Коля не знал ответов и, горячася, удивлялся Валериному непониманию. Вот Валера и перестал интересоваться религиозной темой.

Ещё чуть раньше, когда мы были на пороге храма, Прокошин рассказал мне свой сон: ночь, огромное поле, вдали — церковь вся в огнях свечей. И его тянет пойти туда, но когда он пошёл, его остановила мысль, что там жизнь для него неведомая, а эту жизнь он уже знает. Он испугался что-либо менять на своём пути и повернул от церкви.

Наш друг и поэт Валентина Невинная тоже очень любила Валерку, читала почти все его стихи, считала его гениальным, поправляла безграмотные моменты. А когда пошла его «порнографические» стихи, она очень переживала это и объясняла ему, что надо духовно расти, чтобы он понимал, что пишет и зачем.

Когда вышла его книга «Между Пушкиным и Бродским», ещё одна наша подруга Нина Добрикова, которая знала Валеру, обожала его и его поэзию, прочитав эту книгу, написала мне письмо с великим беспокойством о её духовном содержании.

Надеюсь, теперь ты лучше понимаешь, почему я о нём не пишу, почему не пишет Коля. Почему не пишет Невинная, которая, на смерть его сочинила стихотворение, опубликованное в газете «Весть».

Ну, вот пока и всё. Пиши давай, раз приехать у тебя нет сил.

Люда.

Татьяне Андреевой

Дорогая Татьяна!

Не знаю, как насчет сходства моего с Матроной и Нансеном, а вот то, что Вы Андреева и я по маминой линии тоже Андреева, вот это сходство интересное. Может, мы родственники, раз Вы жили в Калуге?

Но это так, преамбула.

Спасибо большое за все добрые слова в мой адрес. С годами хоть и поменьше честолюбия и тщеславия, чем в юности, но всё равно приятно и в зрелые годы, когда занимаешь место в чьём-то сердце своим творчеством или своим примером.

Я совсем даже не художник, меня заставили рисовать обстоятельства, все рисунки давались трудно, но их сюжеты, вероятно, подсказывал Господь, потому что почти все они — с любовью и про любовь ко всему, что сотворил Бог на земле и что дал чувствовать человеческой душе.

Я так поняла, что сайт Вы видели. А в последнее время я собралась, наконец, с силами, чтобы написать о себе книгу. Слава Черников, всегдашний мой оформитель, обещал оформить и книгу, но мне надо подобрать ещё и фотографии, накопившиеся за всю жизнь, а это оказалось непросто, и я застряла с этой работой.

В храме, который мы реставрируем и ещё долго будем восстанавливать, тем не менее начинаются службы: прислали молоденького батюшку.

Что касается Вашего неучастия в доброделании, то начать никогда не поздно, если есть возможность и желание, хотя бы финансовой помощью, и всегда можно найти тех, кому нужна физическая поддержка. Впрочем, я не знаю Ваших обстоятельств, Вашего здоровья и прочих подробностей, поэтому если есть желание, напишите.

А я пока прощаюсь. Всего доброго, побольше радости в душе.

Л.Г.

*Музе Воскресенской,
г. Санкт-Петербург.
21 декабря*

Дорогая моя подружка!

Что ж ты так притомилась? Прямо как старуха совсем! Голова кружится только от счастья, а у тебя не кружится, а ищет ориентиры. Мне кажется, что ты просто стала ленивая и не хочешь подниматься

насиленно, как это делает наша подруга Тамара Дрожжина, которой 75 лет: ей всё время хочется полежать и поспать, а она поднимает своё тело и несёт его в Москву навестить болящую подругу, выполнить мою просьбу — переправить письмо «живьём» в канцелярию Путина, переписка с которой у меня продолжается уже пять лет, или едет в аптеку за лекарствами мне. Два раза уже съездила в Иерусалим и ходила по горам на Синай, по узкой тропинке, и мечтает поехать ещё раз — так она проверяет свои силы, а Бог ей их подаёт.

Что-то я не помню, чтобы ты мне ответила хоть два слова по поводу моей книги, я уже забыла, сколько частей тебе послала, — вот так тебя «интересует» моя писанина. А я уже 12 частей написала и вроде как закончила. Теперь пытаюсь подобрать фотографии. Денег на издание нет, но надеюсь, что найдётся кто-то, кого Бог пошлет в помощь.

Сегодня у меня знаменательный день: бракоразводный. Мы теперь с Колей не муж и не жена.

У меня тоже иссякают силы, но принуждаю себя не расслабляться, да и Бог посылает мне много забот о детях-сиротах, о детях-инвалидах, о многодетных семьях, об одиноких мамках с детьми-инвалидами, о храме... И всегда страдает кто-нибудь, и всегда есть повод вставать, подметать свою планету, как учил Маленький принц, и пытаться помочь кому-нибудь облегчить душу и позаботиться о теле.

Я вот осталась с двумя сиделками, которые могут покинуть меня в любой момент. Коля был последний родной человек, а все остальные мои родственники — люди ненадёжные: когда умерли родители, никто не пришёл ко мне спросить, как и с кем я живу, кто меня кормит и ухаживает за мной. Не дай Бог никому такого сиротства в старости и беспомощности. Так что ты старайся подниматься изо всех сил, чтобы не слечь — мы никому не нужны.

Я тут искала фото для книги и нашла мою выставку в твоём техникуме, вставила фото в книгу, там и о тебе написано достаточно.

Что касается твоего старшего сына, ты же писала, что он нашёл другую женщину и уехал, нашёл другую работу. А теперь опять остался без работы? Ничего не поняла. Мне кажется, что все ищут больших денег, поэтому и нет работы. Помнится, я сообщила тебе, что на нашем узле связи платят 20 тысяч рублей программисту, а ты сказала, что это мало. Вот и получается, что лучше совсем не работать, чем трудиться за 20 000 тысяч.

Конечно, 20 000 невеликие деньги, но за них вкалывают у нас в России молдаване, украинцы и прочие люди и считают это приличными деньгами. А русские хотят иметь 50 000 и работу полечче или предпочитают не работать совсем, а «с горя» ещё и пьют. Вот такая психология русского человека.

Но это всё не в укор. Просто гляжу я на эту бедствующую Русь и вижу одну из бед — нежелание трудиться.

Ну вот, прочитала лекцию на разные темы и пойду-ка я восвоюсь.

А ты знаешь, что значит слово «восво-
яси»? Ну-ка Расскажи, литератор!

Желаю тебе, моя подружка, самого
главного, что держит нас на плаву: ИН-
ТЕРЕСА К ЖИЗНИ. Конечно, когда за
семьдесят, мысли всё больше о потусто-
роннем и очень трудно вписываться в се-
годняшнее общество, где нет наших иде-
алов, наших нравственных ориентиров,
наших целеустремлений и понятий о че-
сти, совести и надежд на будущее. Жить
очень непросто, и ещё труднее находить
радость в тех обстоятельствах, какие у
нас есть, но другой жизни нет и не будет,
и, смирившись с этим, надо душу свою
содержать без уныния.

Твоя Люсьена.

С Рождеством Христовым! С Новым годом!

Дорогие Лада и Артём!

Каждый раз накануне Нового Года люди подводят итоги своей деятельности, своих доходов и расходов, планов и свершений, удач и неудач... Наша организация-«ДОМ - дети-сироты и инвалиды» - общественно-благотворительная и не имеет иных «доходов» и «накоплений», кроме счастливых встреч с людьми, у которых сила и власть денег не затмила способность к состраданию немощным, больным и одиноким.

Мы рады, что встретили в Вашем лице человека, которому дано благосостояние земное и вместе с тем богатство более драгоценное, которое Вам удалось сберечь в своем сердце: любовь, сочувствие и милость.

Дай Бог Вам небесной награды за ваше благодеяние на Земле.

Желаем здоровья телесного, душевного и духовного.

Директор

/Киселева Л.Г./

«ДОМа - дети-сироты и инвалиды»